

Мнѣ предложили въ ней, между прочимъ, записать свои впечатлѣнія въ «Книгу замѣчаній», что я и исполнила съ величайшимъ удовольствіемъ. Вотъ что написала я туда:

«15 февраля (Масляная) оказалось первымъ днемъ, когда я получила возможность, не покидая своей маленькой семейной школы и большой воскресной, предпринять далекое путешествіе въ интересующую меня народную читальню.

«Прежде всего меня пріятно поразила вся внѣшняя обстановка читальни: большія свѣтлыя комнаты, чистенькая, какъ съ иголки, мебель, симметрично разставленныя книги, между которыми я съ удовольствіемъ замѣтила толстыя и узнала, что каталогъ читальни, обширнѣе нашего школьнаго каталога. Не понравилась мнѣ только «штрафная» книга на конторкѣ, по существу своему носящая несоответствующее названіе, и я назвала бы ее «Книгой замѣчаній». Мы читаемъ въ ней: «такой-то курилъ и получилъ замѣчаніе», «потерялъ свой входной билетъ» и т. д. Гдѣ-же тутъ штрафы? Между тѣмъ это грозное названіе производитъ непріятное впечатлѣніе въ *народной* читальнѣ.

«Замѣтила я еще одинъ недостатокъ, присущій, впрочемъ, всѣмъ школамъ и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ; это не мѣшаетъ, однако, преслѣдовать его всюду во имя сбереженія дѣтскаго зрѣнія, и лица, безкорыстно отдающія свой трудъ и время этому добродѣлю, могли-бы, я думаю, взять на себя еще лишнюю заботу—слѣдить за тѣмъ, чтобы, читая, дѣти не наклонялись слишкомъ близко къ книгѣ. Конечно, по отношенію къ взрослымъ такого рода замѣчанія неумѣстны, но рациональная бесѣда съ дѣтьми по этому поводу, выслушанная взрослымъ человѣкомъ, могла-бы и ему принести пользу въ этомъ направленіи. На одномъ изъ общихъ собраній сотрудницъ читальни я узнала (это было въ самомъ началѣ ея существованія), что въ ней отсутствуетъ какая-бы то ни было дисциплина: малолѣтки, по преимуществу наполняющіе ее, громко разговариваютъ, хохочутъ, затѣваютъ игры и даже дерутся. Это отсутствіе дисциплины показалось мнѣ особенно неудобнымъ при мысли о привлеченіи *взрослыхъ* читателей. Такого рода условія могли дискредитировать читальню въ глазахъ серьезнаго простолюдина. Вотъ почему въ собраніи этомъ я очень горячо настаивала на необходимости дисциплины. Но, доказывая это, я вмѣстѣ съ тѣмъ задавалась вопросомъ, какъ именно встрѣчены будутъ эти жесткія слова молодежью, относящейся къ дѣлу съ увлеченіемъ, которое часто не выноситъ анализа; не прозвучитъ-ли для нихъ слишкомъ черство несимпатичное слово «дисциплина» и не вызоветъ-ли протеста и порицанія? И дѣйствительно, возраженія были довольно рѣзки; очевидно, большинство было противъ

меня, такъ что вскорѣ я позволила даже сказать себѣ: «у васъ нѣтъ народной читальни, у васъ есть только дѣтскій клубъ».

«Возвращаясь изъ этого собранія, я чувствовала душевную боль при мысли, что произвела отрицательное впечатлѣніе на эту идейную молодежь, добрымъ мнѣніемъ о себѣ которой такъ дорожу я, тѣмъ не менѣе, я не раскаивалась въ томъ, что должна была сказать по совѣсти. Къ моему величайшему удовольствію, въ непродолжительномъ времени я услышала, что въ этой самой тетрадкѣ, въ которой пишу я теперь, записана мнѣ благодарность за водвореніе новыхъ порядковъ.

«Сегодня-же я могла удостовѣриться во-очію, насколько удалось имъ это благоустройство. Я застала здѣсь до 60-ти человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полную возможность читать углубившись, читать серьезно. Изъ этихъ 60-ти читателей было до 40 дѣтей и подростковъ, но всѣ они очень внимательно впивались глазами въ «Спящую парвену», «Аленькій цвѣточекъ», въ «Робинзона» и др. дѣтскія книги. Взрослая дѣвушка-модистка тоже внимательно разсматривала модный журналъ и читала надписи надъ картинками. Большой простолюдинъ, заслонившись рукой, весь ушелъ въ разсматриваніе каталога. Остальные простолюдины всѣ, безъ исключенія, читали газеты. Мнѣ очень понравилась мысль о выпискѣ моднаго журнала для тѣхъ, кому искусство это даетъ кусокъ хлѣба. Мнѣ очень понравились каталоги, дающіе возможность и ребенку, и подростку, и взрослому задуматься надъ тѣмъ, что читать ему, какъ много разнообразныхъ книгъ существуетъ на свѣтѣ и почему однѣ записаны подъ рубрикой *исторіи*, другія — *географіи*, третьи — *естествознанія*. Но интереснѣе, трогательнѣе всего мнѣ было видѣть этихъ пожилыхъ бородатыхъ работниковъ съ газетой въ рукахъ. Чтѣ именно читаютъ они въ ней и какъ читаютъ, казалось мнѣ самымъ интереснымъ вопросомъ. Вообще читальня произвела на меня самое чарующее впечатлѣніе, если можно такъ выразиться о такомъ сѣренькомъ, будничномъ, узкомъ дѣлѣ, какъ называютъ его иные.

«Мнѣ всегда ужасно не нравится видѣть интеллигентнаго читателя и гимназическій мундиръ, посягающими на скудный запасъ книгъ народной читальни. Но сегодня впечатлѣніе отъ подобнаго факта получилось совсѣмъ иное: среди простонародья какой-то подростокъ-гимназистъ сосредоточенно, серьезно впился глазами въ толстую книгу. И когда я взглянула, какъ изношена его гимназическая куртка, какъ худо и блѣдно его лицо; когда подумала, что, быть можетъ, онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ этой народной читальни, что, быть можетъ, и самъ онъ вышелъ или намѣревался только выйти изъ этого народа, мнѣ показалось вдругъ, что присутствіе его здѣсь

вполнѣ желательно и нормально и что онѣ имѣютъ полное нравственное право пользоваться этими книгами, пожертвованными для народа.

Х. Алчевская».

Меня упрекаютъ часто въ томъ, что, отдавшись безраздѣльно созданной мною воскресной школѣ и книгѣ «Что читать народу», я эгоистически сторонюсь отъ другихъ дѣлъ и упрямо уклоняюсь отъ какого-либо въ нихъ участія. Такого рода обвиненіе я нахожу для себя слишкомъ тяжелымъ, и потому намѣрена оправдываться хотя въ своемъ школьномъ дневникѣ.

Начну съ коммисіи народныхъ чтеній. Правда, я не принимаю въ ней горячаго и непосредственнаго участія, но я приобрѣла, имѣя въ виду это дѣло, значительную коллекцію картинъ для волшебнаго фонаря и ни разу не отказала подѣлиться ими ни съ народными аудиторіями, ни съ гг. военными, устраивающими чтенія для солдатъ.

Перехожу къ Обществу взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ. Когда мысль о немъ возникла у одного изъ участниковъ нашей школы, Н. М. В., я каждый разъ отводила мѣсто для обсужденія этого вопроса на нашихъ педагогическихъ засѣданіяхъ и относилась къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Несмотря на недосугъ и болѣзненное состояніе, я была на первомъ собраніи Общества, гдѣ шелъ вопросъ о выборѣ предсѣдательницы и членовъ правленія,—вопросъ, которому я придавала громадную важность. Я уговорила поѣхать со мною туда сестру мою М. П., которая всю жизнь служила интересамъ этого добраго дѣла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгала всякаго рода регламентацій, говоря, что все это чуждо ей.

Вспомнивши тамъ-же о женщинѣ, потерявшей дѣтей и безцѣльно, одиноко влачащей свою печальную жизнь, я поѣхала прямо изъ собранія къ ней на домъ, уговорила ее отправиться туда со мною и сдѣлаться членомъ правленія. И вотъ, когда недавно я вошла въ залъ городской думы, гдѣ происходило засѣданіе Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ, и взглянула на лицъ, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, я увидѣла прекрасное спокойное лицо предсѣдательницы, на выборѣ которой такъ горячо настаивала я тогда,—товарища предсѣдателя, умную и образованную женщину, страстно увлекшуюся этимъ дѣломъ, несмотря на свое слабое здоровье, и членовъ правленія, по преимуществу рекомендованныхъ мною. Взглянувши на эти знакомыя мнѣ лица, я вдругъ почувствовала съ ними нравственное сродство и, несмотря на то, что давала себѣ слово не мѣшаться въ пренія этого чужого мнѣ собранія съ неизвѣстными вопросами и внутренними распорядами, всѣ эти вопросы показались вдругъ такъ близки и знакомы мнѣ, что я говорила по каждому изъ нихъ, говорила горячо, съ одушевленіемъ.

Но что было удивительнѣе всего на этомъ симпатичномъ для меня собраніи, такъ это умѣнье высокопоставленной женщины председательствовать на собраніи. Она вела засѣданіе такъ спокойно, такъ умно, съ такимъ тактомъ и знаніемъ дѣла, что я просто не могла отвести отъ нея глазъ. Умѣнье толково ставить вопросъ, серьезно и учтиво руководить преніями, формулировать въ концѣ высказанныя мнѣнія—всѣмъ этимъ съ избыткомъ обладала женщина-председатель. Въ жизни моей я никогда не видѣла человѣка, обладающаго до такихъ тонкостей этимъ искусствомъ. Наблюдая за нею съ восторгомъ и невольно сравнивая съ нею себя, я вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что какой-то червякъ зависти шевелится у меня въ сердцѣ.

Когда мы, возвращаясь домой, спускались съ лѣстницы, одна изъ учительницъ нашей школы нагнала меня и сказала, улыбаясь, о председательницѣ: «вотъ, Христина Даниловна, достойный вамъ конкурентъ!»

— Что вы, что вы!—возразила я ей горячо.—Это идеаль предсѣдателя; она обладаетъ всѣми условіями, которыя требуются для этого: спокойствіемъ, тактомъ, умѣньемъ молчать во-время, а я вѣчно кипячусь, перебиваю другихъ, говорю подчасъ рѣзкости; какой я председатель?!

Но, говоря это, я, какъ-бы въ утѣшеніе, спрашиваю себя: «любить-ли она свое дѣло такъ, какъ люблю его я; живетъ-ли такъ безраздѣльно жизнью своего собранія, какъ живу я, и не въ этомъ-ли заключается сила моего председательства?!

Чувствую, что уклонилась въ сторону отъ вопроса, поставленнаго мною выше, и потому перехожу къ мужской воскресной школѣ. Думаю, что замѣтка изъ моего стараго дневника, которая попала въ мнѣ недавно на глаза, вполне можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ, существуетъ-ли у меня нравственная связь съ мужской воскресной школой.

Вотъ эта замѣтка:

11-го апрѣля 1889 г.

Мысль объ открытіи въ Харьковѣ мужской воскресной школы впервые была высказана въ нашемъ собраніи; затѣмъ, мы возвращались къ ней еще и еще разъ, и въ концѣ концовъ я заявила, что, не имѣя силъ и возможности принять непосредственное участіе въ устройствѣ этой школы, я, тѣмъ не менѣе, всей душой сочувствую ей и готова помочь, чѣмъ и какъ могу. Я говорила, что если найдутся инициаторы этого дѣла, я охотно предложу учебныя пособія на 100 человѣкъ и организую школьную библіотеку. Инициаторы нашлись, и вотъ 5-го марта 1889 г. въ свѣтломъ школьномъ залѣ пе-

редъ иконой, убранный зеленью и цвѣтами, стоялъ священникъ въ полномъ облаченіи, а по-одалъ—группа учителей и учительницъ слѣва, а справа 18 учениковъ, первыхъ піонеровъ воскресной школы, откликнувшихся на предложеніе учиться. Вся эта обстановка настолько тронула мою душу, что приливъ слезъ засталъ меня совсѣмъ врасплохъ и, закрывши глаза платкомъ, я тихо плакала въ продолженіе всего молебна, безсильная унять эти слезы, и даже стаканъ воды, обязательно принесенный мнѣ добродушнымъ школьнымъ сторожемъ, не оказалъ на меня ни малѣйшаго дѣйствія.

Мнѣ все казалось здѣсь трогательнымъ, все умиляло меня: и мысль, что, наконецъ-то, осуществилась моя давнишняя мечта, и воспоминаніе объ открытіи *нашей* воскресной школы, и группа новыхъ учителей и учительницъ, и эти плохо одѣтые дѣти, подростки и взрослые, пришедшіе сюда искать свѣта, и даже самый священникъ съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ и съ черными съ просѣдью волосами, котораго я знала когда-то, много лѣтъ назадъ энтузіастомъ-юношей. Мы мечтали тогда съ нимъ о томъ, что и какъ сдѣлаемъ въ жизни, и вотъ теперь, на склонѣ лѣтъ, сошлись у дѣла, столь близкаго къ нашимъ прежнимъ мечтаніямъ.

— О чемъ вы плакали вчера на молебнѣ?—спрашивалъ меня на другой день не безъ удивленія одинъ изъ инициаторовъ школы.

— Если вы не можете уяснить себѣ самостоятельно причины этихъ слезъ, то никакія слова не могутъ помочь узнать ее, — отвѣчала я.

Въ число преподавателей и преподавательницъ школы попали лица, относящіеся ко мнѣ лично въ высшей степени несправедливо и недобросовѣстно. Но, работая надъ собой 25 лѣтъ и слясь научить себя отдѣлять людей отъ дѣла, я вдругъ почувствовала на 26-мъ году, что усилія мои увѣнчались успѣхомъ и отношенія мои къ школѣ остались такими же искренними и дружелюбными. Меня огорчало только одно, что инициаторы школы какъ-бы сторонились меня, какъ-бы боялись моего вмѣшательства и вторженія, несмотря на то, что я была далека отъ этого. Меня ни разу не пригласили на эти собранія, хотя на нихъ бывали люди, не имѣющіе ничего общаго со школой.

И вотъ, на 1-й день Свѣтлаго Христова Воскресенья мнѣ доложили, что сторожъ *мужской* воскресной школы пришелъ поздравить меня съ праздникомъ. При этомъ извѣстіи я вдругъ поняла, что этотъ простой и непосредственный человѣкъ почувствовалъ своимъ незлобивымъ сердцемъ ту связь, которая лежитъ между мною и мужской воскресной школой и, чуждый опасеній интеллигентныхъ людей, пришелъ поздравить меня.

Отбросивъ всякаго рода приличія, я оставила моихъ именитыхъ

гостей и быстро направилась въ переднюю, гдѣ ждалъ меня мой дорогой гость. Передо мною стоялъ человѣкъ съ типичнымъ малорусскимъ лицомъ, обстриженный въ кружокъ, въ коричневой малорусской чамаркѣ. Я была рада ему до замѣшательства, до того состоянія, когда не знаешь, чтó и какъ сказать, и теряешься, гдѣ посадить гостя и чѣмъ угощать.

— А почему вы меня знаете?—говорила я сконфуженно и сбивчиво.

— А як-же! — отвѣчалъ онъ мнѣ чистымъ малорусскимъ нарѣчіемъ, — я-ж вас на молебні бачив, ще й води вам приніс, як ви плакали.

— А мальчиговъ нашихъ магазинскихъ знаете?

— Ще-б то не знав, знаю! та я й сам вчує, хіба це сôром?

И онъ развилъ цѣлую теорію о томъ, что взрослому человѣку во все не стыдно начинать учиться и что гораздо стыднѣе сидѣть въ шинкѣ и пьянствовать.

Я возвратилась къ моимъ гостямъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа.

Воскресенье, 16-го февраля 1892 г.

Въ воскресенье, 9-го февраля, я обратилась ко всѣмъ ученицамъ съ вопросомъ, будемъ-ли мы заниматься въ послѣдній день масляной—16-го февраля? Мнѣ не хотѣлось вносить педантизма и нравоученія въ этотъ вопросъ, а потому я говорила откровенно и весело, что въ этотъ день, пожалуй, каждому хочется повеселиться—и ученицамъ, и учительницамъ. Моя откровенная рѣчь вызвала откликъ сочувствія и множество молодыхъ голосовъ повторило въ различныхъ концахъ залы: «ужъ такъ и быть—будемте веселиться!»

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту волну откровенности и веселья, мнѣ лично очень жаль было пропускать занятія съ моими ненаучившимися еще грамотѣ ученицами и я столковалась съ ними подъ шумокъ, чтобы онѣ пришли ко мнѣ, если хотятъ, въ слѣдующее воскресенье. Но столковалась я съ ними не лично, а черезъ свою молодую сотрудницу, ради того, чтобы не оказывать на нихъ, такъ сказать, давленія.

Придя сегодня въ школу, я съ радостью увидѣла цѣлыхъ семь ученицъ. Причина неявки другихъ была также основательная: родные ихъ отправились въ гости и некому было стеречь домъ.

Въ занятіяхъ нашихъ въ этотъ исключительный день было не мало для меня радостнаго, чего не узнала-бы я, еслибъ праздновала дома. Такъ, напр., Анна М., пропустившая прошлое воскресенье, не только усвоила два звука, справившись у Марѣ Т., что было пройдено безъ нея, но научилась по азбучкѣ писать цифры до 10. Когда я просматривала ея домашнія работы, она съ какой-то затаенной

тревогой смотрѣла на меня своими карими умными глазами, очевидно, волнуясь вопросомъ, то-ли и такъ-ли сдѣлано ею.

Оказалось, что Марѳа Т. усердно занималась всю недѣлю съ Лукерьей В., хотя и пришла отъ нея въ отчаяніе. «Хоть учи, хоть иѣтъ»,—разсказывала она Аннѣ М.,—ничего не понимаетъ!»

— Ничего, научится!—сказала я ей въ утѣшеніе.

— Гдѣ тамъ научиться?!—возразила мнѣ на это Анна М.—Она какая-то дурная!.. Вотъ и сегодня не пошла въ школу безъ всякой причины! Спрашиваю ее: пойдешь?—«Нѣтъ!»—Почему?—«Да такъ!..» А послѣ говорить: «Я 2—3 недѣли еще похожу и брошу — будетъ съ меня!»

«Нечего сказать, утѣшила!» подумала я, вспоминая глупое лицо и глупую улыбку Лукерьи В.

Подъ впечатлѣніемъ этого разсказа я опять начала наводить справки объ Ольгѣ Т. и опять та-же Анна М. сказала мнѣ: «Я замѣтила, что вы интересуетесь, почему онѣ не ходятъ, и теперь, какъ повстрѣчаюсь съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, сейчасъ начинаю разспрашивать. Ольга Т. говоритъ: «Пошла-бы, да не смѣю: стыдно, что давно не была, что другія безъ меня впередъ ушли и придется Христинѣ Даниловнѣ съ одной со мной, дурой, возиться». Мнѣ просто до слезъ стало жаль Ольгу Т. и я убѣдительно просила Анну М., чтобы Ольга пришла ко мнѣ, если можно, на домъ, догнать другихъ ученицъ.

Въ это воскресенье я обратила особенное вниманіе на чтеніе ученицъ и была умилена тѣмъ, какъ превосходно читаютъ всѣ онѣ первыя три страницы азбуки. Но умиленіе это оказалось неосновательнымъ: оказалось, что онѣ заучили на память всѣ слова первыхъ двухъ страницъ. И когда я заставила прочитать незнакомую фразу въ 4 слова—«и шум и гамъ», никто не въ силахъ былъ сладить съ нею. Положимъ, заучить наизусть неграмотному человѣку 50 печатныхъ словъ—не легко и даже умилительно, но это не значитъ читать ихъ правильно, какъ, было, предположила я. Съ помощью картинокъ «Наглядной Азбуки», фактъ этотъ также не разъ наблюдался мною и, пожалуй, вглядываясь въ него, необходимо признать, что отсутствіе картинокъ въ азбукѣ Г. можно отнести только къ ея достоинствамъ.

Когда очередь дошла до дворничихи, оказалось, что за эту недѣлю она научилась отъ мужа читать по складамъ бойко, быстро, умѣло, но только по складамъ. Положимъ, я не вижу въ этомъ большой бѣды: научились-же мы всѣ читать, учась по складамъ; тѣмъ не менѣе, я въ деликатной формѣ просила ее не складывать, а читать сразу, что ей удалось какъ нельзя лучше. Тогда я пригласила молодую учительницу, пришедшую посмотрѣть на мое преподаваніе, послушать, какъ читаетъ моя дворничиха. Но, къ величайшему моему

удивленію и огорченію, почувствовавши около себя чужого человѣка, бѣдная женщина покраснѣла и совершенно утратила способность читать. Вмѣсто *ау* она читала *ум*, вмѣсто *уа—ура* и т. д. Когда барышня отошла наконецъ, дворничиха, отирая потъ съ лица ситцевымъ платочкомъ, сказала мнѣ, какъ-бы жалуюсь на самое себя: «Одна сижу въ комнатѣ, читаю просто, какъ грамотная, будто на свѣтъ родилась съ этимъ чтеніемъ, а при людяхъ точно мысли кто запутываетъ. При васъ-таки еще ничего—привыкла, а при чужихъ, хоть ты убей меня, ничего не помню».

Я объяснила ей, что такое робость, конфузъ и говорила ей, что въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго и что робкихъ и конфузливыхъ людей много на свѣтѣ.

Позанимавшись два часа сряду, которые пролетѣли для насъ совсѣмъ незамѣтно, мы попили пить чай въ музей. Чаепитія у насъ въ школѣ собственно не полагается. Обыкновенно ученицы сами приносятъ съ собою свой скудный завтракъ въ видѣ кусочка хлѣба и рѣдко—ломтика колбасы. Но тутъ мнѣ хотѣлось поступить по праздничному и я велѣла своему слугѣ притащить въ школу самоваръ и 18 чашекъ.

Нашъ маленькій масляничный пикникъ удался какъ нельзя лучше. Но прежде, чѣмъ говорить о немъ, я должна сказать нѣсколько словъ объ одной изъ нашихъ участницъ. Когда я пришла въ школу, я узнала, что, кромѣ меня, нашла еще одна учительница, рѣшившая собрать втихомолку въ этотъ день своихъ ученицъ. Я и прежде слышала, что отношенія маленькихъ звуковиковъ къ этой молоденькой учительницѣ и ея къ нимъ можно признать идеальными. «Это моя барышня!» говоритъ обыкновенно съ гордостью такая ученица. И въ этомъ мѣстоименіи звучитъ такое неотъемлемое право собственности, что, когда вы, въ силу вещей и въ интересахъ самой ученицы, переводите ее въ другую группу, ея дѣтскому отчаянію нѣтъ границъ.

Какъ-то школу нашу посетилъ одинъ косноязычный молодой человѣкъ, строгій критикъ, и, осмотрѣвши ее внимательно, остановился съ иронической усмѣшкой на слѣдующемъ вопросѣ: «почему ученицы называютъ учительницъ барышнями?» Я не нашла въ ту минуту, что мнѣ отвѣтить ему, такъ какъ никогда не задумывалась надъ этимъ, а затѣмъ мнѣ показалось, что дѣло собственно не въ названіи и что нѣтъ большой бѣды въ томъ, если барышня называется барышней. Важно только, чтобы эти маленькія и большія ученицы знали, что барыни бываютъ *разныя* — умныя и глупыя, добрыя и злыя, простыя и чванныя.

Мы вошли въ школу вмѣстѣ съ молоденькой учительницей. Уви-

дѣвши моихъ ученицъ и узнавши, что изъ ея группы нѣтъ никого, дѣвушка имѣла нѣсколько сконфуженный видъ; но, очевидно, она такъ настроилась заниматься сегодня, что ей не хотѣлось уходить изъ школы, и она осталась здѣсь дожидаться.

Я пошла заниматься, по обыкновенію, въ залу, позабывъ о молоденькой учительницѣ, которая оставалась въ смежной комнатѣ.

Прозанимавшись часть съ лишнимъ, я пошла узнать, не готовы ли самоваръ, и совершенно неожиданно наткнулась на такую картинку съ натуры на одной изъ длинныхъ классныхъ скамеекъ сидѣла молоденькая учительница, а рядомъ съ нею темноглазая дѣвочка лѣтъ 9-ти. Учительница обвила ея шею рукой и, слегка наклоняясь къ ней, читала ей какую-то книжку; ей хотѣлось, очевидно, чтобы маленькая малограмотная дѣвочка слѣдила глазами по книжкѣ за тѣмъ, что громко читаетъ она; но дѣвочка, охваченная силой впечатлѣнія, вперила въ лицо учительницы свои умные глаза, совершенно позабывъ, очевидно, о возложенной на нее обязанности. Мнѣ подумалось, впрочемъ, въ эту минуту, что каждый, на мѣстѣ дѣвочки, сдѣлалъ-бы то-же,—настолько лицо учительницы было прекрасно; въ немъ было столько нѣжности, кротости, разума, любви, что я молча и съ благоговѣніемъ невольно остановилась передъ этой живой картиной. Онѣ читали разсказъ Толстого «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ». И глядя на нихъ, я чувствовала всѣмъ сердцемъ этого Бога любви. Мнѣ припомнилось лицо этой дѣвушки въ настоящей живой картинѣ, на сценѣ, въ картинѣ «Бой купца Калашникова». Мѣховая шапочка какъ-то бойко и граціозно сидѣла на ея хорошенькой головкѣ, изъ-подъ темныхъ бровей весело и смѣло смотрѣли ея красивые глаза, жизнерадостная улыбка помимо воли подергивала ея розовыя губы и, кутаясь въ мѣховую шубку, она смотрѣла, казалось, не на бой купца Калашникова, а куда-то вдаль, и улыбалась этой дали, этому загадочному будущему...

Лицо дѣвушки было во-истину прекрасно тогда, но въ эту минуту оно казалось мнѣ еще лучше, еще осмысленнѣе, еще прекраснѣе.

Существуетъ повѣрье, будто общественной дѣятельностью занимаются только некрасивыя женщины, утратившія надежду на личное счастье. Какое это противное повѣрье и какъ, по моему, красивые женщины должны стремиться настоятельно разрушить его! Когда я была молодою и мнѣ дѣлали комплименты, они были особенно пріятны для меня при мысли, что это не мѣшаетъ мнѣ работать въ школѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовать лишній разъ разрушенію существующаго противнаго мнѣ предразсудка.

Когда мы пошли пить чай, я пригласила молодую учительницу и ея маленькую ученицу идти съ нами за компанію; пригласила и

еще одну дѣвочку изъ старшей группы, которой не хотѣлось возвращаться немедленно домой, приходя изъ страшной дали, и которую я снабжала книгой для чтенія.

Молодая учительница вызвалась хозяйничать и наливать чай. Въ манерахъ ея было столько простоты и сердечности, что даже моя Маша послѣ минутнаго колебанія, какимъ образомъ сядетъ она пить чай со мной, улыбающаяся и немножко сконфуженная усѣлась подъ ея крылышко и, какъ-бы желая искупить чѣмъ-либо свою фамильярность по отношенію ко мнѣ, быстро и ловко передавала чашки во всѣ стороны.

Мнѣ припомнился при этомъ невольно слѣдующій эпизодъ: какъ-то во время репетиціи дѣтскаго театра изъ родителей никого не было, а собрались только наши слуги посммотрѣть на эту комедію. Они подобострастно ютились въ дверяхъ, а я силилась привлечь ихъ ближе.

— Прасковья, садитесь вотъ здѣсь! — говорила я, почти силою усаживая ее рядомъ съ собою. И въ то время, какъ мнѣ удалось усадить ее со мною, моя маленькая дочь, которой было тогда 2—3 года, подошла ко мнѣ и, глядя на меня въ упоръ своими большими серьезными глазами, сказала: «развѣ Прасковья можно сидѣть рядомъ съ тобою?» Мнѣ сдѣлалось до слезъ стыдно и больно отъ этого вопроса; я какъ-будто увидѣла во-очію источникъ того предразсудка, изъ котораго такъ рано черпаютъ воду наши дѣти.

Простота обращенія молодой учительницы и мой многолѣтній навѣкъ къ общенію съ простыми людьми сдѣлали нашу бесѣду совсѣмъ безцеремонной. Ульяна Б. рассказывала, какъ мирно и хорошо живетъ она съ невѣсткой и какъ та все дѣлаетъ за нее въ хозяйствѣ по воскресеньямъ. Дворничиха сообщала о тяжелой болѣзни своего барина, вздыхая и жалѣя его. Еще одна дѣвушка описывала, какія шустрія дѣтки ея племянникъ и племянница, и какъ трехлѣтняя дѣвочка пристаетъ къ ней, чтобы она учила ее грамотѣ. Учительница-барышня, какъ-бы въ тонъ ей, рассказывала анекдоты о своихъ маленькихъ племянникахъ. Одна изъ ученицъ передавала, кто, когда и какъ направилъ ее въ школу... И въ общемъ чувствовалось столько непринужденности и веселости, что намъ, навѣрное, могли-бы позавидовать ученицы и учительницы, оставшіяся праздновать масляницу и дома, и въ гостяхъ.

Суббота, 22-го февраля 1892 г.

Я больна и больна такъ, что могу пропустить завтра занятія въ школѣ. Боже мой, какъ мнѣ это грустно и больно, и въ особенности въ виду моей предполагаемой поѣздки въ Петербургъ! Мнѣ такъ невыразимо хотѣлось-бы проститься съ ученицами, поручить ихъ попеченію А. Д. Г., просить ихъ не покидать безъ меня школы — и ничего этого я не сдѣлаю по случаю этой неумѣстной, противной

болѣзни. Тѣмъ не менѣе, нужно что-нибудь предпринять въ виду невозможности быть въ школѣ, и вотъ я пишу А. Д. слѣдующее:

«Многоуважаемая и дорогая А. Д.!

Я больна и въ школѣ быть не могу. Вотъ почему позвольте намѣтить планъ программы, которую необходимо пройти сегодня.

1-й часъ. Просмотрѣть домашнія работы ученицъ; высказать имъ объ этихъ работахъ свое мнѣніе; отмѣтить въ отчетѣ, кто былъ и кто не былъ изъ нихъ; разспросить пропустившихъ прошлое воскресенье, почему онѣ не были; записать это въ отдѣльную тетрадку, которую я посылаю вамъ, и заняться повтореніемъ пройденныхъ звуковъ.

2-й часъ. Показать новые звуки *л* и *н* и всѣ упражненія на нихъ.

3-й часъ. Ариѳметика.

4-й часъ. Взять въ отдѣльную комнату для занятій тѣхъ, которыя пропустили прошлое воскресенье и отставали въ настоящемъ, сильнѣйшихъ-же оставить на чтеніи.

Прошу передать ученицамъ мой искренній привѣтъ и сожалѣніе, что не могла придти въ настоящее воскресенье. Кромѣ того, прошу сообщить имъ, что я уѣзжаю временно въ Петербургъ и что пропущу, вѣроятно, еще 2 воскресенья; что я поручила вамъ заниматься съ ними и надѣюсь, что онѣ и безъ меня, какъ при мнѣ, будутъ посѣщать аккуратно школу.

Прошу васъ, А. Д., не разрушать безъ меня *класснаго* преподаванія, т.е. не пустить впередъ болѣе сильныхъ ученицъ и не разбивать одной группы на двѣ части. Если сильнѣйшія будутъ нѣсколько скучать, то общайте пустить ихъ впередъ послѣ моего возвращенія. Очень можетъ быть, что я, дѣйствительно, устрою это, такъ какъ начинаю чувствовать угрызенія совѣсти за медлительность ихъ движенія впередъ.

Если я пропущу за отъѣздомъ еще 2 воскресенья, то прошу проходить въ каждое изъ нихъ два и не болѣе трехъ звуковъ.

Послѣ cadaго воскресенья прошу писать мнѣ хотя коротенькій отчетъ, что и какъ сдѣлано вами въ нашей группѣ и не встрѣчалось-ли какихъ-либо вопросовъ и затрудненій. По полученіи отъ васъ письма я обещаю немедленно отвѣчать вамъ.

Въ занятіяхъ вашихъ вамъ будетъ помогать Л. А. Б. и М. П. Б. Если вамъ почему-либо нельзя будетъ посѣтить школы, прошу дать знать объ этомъ М. П.

Отчетную тетрадь прошу сберечь до моего пріѣзда, занося туда аккуратно всѣ свѣдѣнія.

Простите за то, что надавала вамъ такъ много порученій, но всѣ они мнѣ кажутся необходимыми.

Искренно преданная вамъ Х. А.»

Вторникъ, 25-го февраля 1892 г.

Въ субботу утромъ, какъ видно изъ предыдущихъ страницъ моего дневника, я чувствовала себя совсѣмъ больной и, написавши, такъ сказать, завѣщаніе, что и какъ дѣлать съ моими ученицами А. Д. Г., легла въ постель. Ознобъ смѣнился жаромъ, и я чувствовала себя въ самомъ безпомощномъ состояніи. Въ эту минуту сынъ мой, студентъ, принесъ мнѣ газетное извѣстіе о празднованіи юбилея доктора Франковского. Это извѣстіе совершенно взбудоражило меня: какъ, завтра будутъ праздновать 50-лѣтній юбилей этого самоотверженнаго общественнаго дѣятеля, этого друга всѣхъ сирыхъ, несчастныхъ, обездоленныхъ, а я буду лежать здѣсь, въ этой постели, не проявивши ничѣмъ своего сочувствія и благоговѣнія?.. А школа?.. Тамъ всѣ знаютъ его, начиная отъ учительницъ, живущихъ въ каменныхъ домахъ, и кончая ученицами, обитательницами подвальныхъ этажей, гдѣ свирѣпствуютъ тифъ, скарлатина и дифтеритъ. Сколько людей обязаны ему или личной жизнью, или жизнью близкихъ и дорогихъ имъ существъ! Этотъ вопросъ о личной жизни перенесъ меня въ далекое прошлое: я сидѣла, рыдая надъ колыбелью своего первенца, и, глядя на это крошечное, худенькое тѣлце, на эти высохшія ручки и ножки, была близка къ отчаянію, къ самоубійству. И въ это время какой-то свѣтлый образъ, наклонившись ко мнѣ и глядя на меня добрыми, сострадательными глазами, произносилъ тихо слова утѣшенія и говорилъ о чудесахъ, которыя часто творитъ природа... Но нѣтъ, не природа сотворила чудо надъ моимъ дорогимъ первенцемъ: его вырвали изъ рукъ смерти забота и искусство гуманнаго чловѣка-врача въ союзѣ съ любовью, окружавшею эту колыбель...

Жаръ усиливается, и въ воображеніи моемъ встаетъ другая картина. Полная жизненныхъ силъ и страстнаго увлеченія дѣломъ, я ѣду въ Петербургъ на интересный турниръ двухъ выдающихся педагоговъ, моихъ друзей. Одинъ изъ нихъ создалъ книгу для народнаго чтенія, придавъ ей утилитарный характеръ, соответствующій, съ его точки зрѣнія, запросамъ деревни; другой держится иныхъ взглядовъ на народъ, на его внутренній міръ и духовные запросы. Оба они были до сихъ поръ друзьями, но проявившаяся разность взглядовъ образовала между ними пропасть, и они рѣшили выйти на арену общественнаго суда, и тамъ, передъ лицомъ публики, въ многочисленномъ собраніи Педагогическаго общества, выяснить этотъ вопросъ.

Эта рознь друзей несказанно терзала меня, миролюбиваго чловѣка. Я силилась уяснить себѣ, кто изъ нихъ правъ, и не могла. Слушая одного, мнѣ казалось, что правда на его сторонѣ, слушая другого—то-же самое. Я упрекала себя въ неустойчивости, въ двуличіи; мнѣ хотѣлось рѣзко стать на ту или иную сторону, и безсонныя,

тревожныя ночи шли одна за другою. Появился жаръ, галлюцинаціи, и ко дню сраженія друзей я чувствовала себя совсѣмъ больною.

Да, они были когда-то друзьями, хотя и не видали другъ друга. Оба молодые, энергичные, впечатлительные, даровитые, они ярко выдвинулись на аренѣ общественной дѣятельности и приобрѣли огромную популярность. Одинъ проповѣдывалъ съ кафедръ, и молодежь благоговѣйно внимала его горячимъ, блестящимъ рѣчамъ. Она шла за нимъ толпою, а онъ твердо и вдохновенно держалъ въ рукахъ своихъ знамя, на которомъ было начертано: «народное образованіе». Онъ создалъ образцовую воскресную школу, которая явилась не только школою учениковъ, но и учителей. Каждый ученикъ имѣлъ своего учителя, и этотъ учитель отдавалъ ему всего себя. Онъ не только просвѣщалъ его разумъ грамотой, урокомъ, бесѣдой,—онъ изучалъ его душу, его нравственные запросы; онъ становился его другомъ, товарищемъ-наставникомъ; онъ посѣщалъ его на дому, и отчеты этихъ идеальныхъ отношеній вы можете прочесть и теперь въ «дневникахъ», сохранившихся, къ счастью, въ печати. И въ то время, какъ его юная паства энергично работала на нивѣ народнаго образованія, учитель учителей писалъ пламенные статьи, зажигающія сердца. Я издали слѣдила за нимъ, читала его статьи и встрѣтиться съ нимъ у любимаго дѣла—стало моею завѣтною мечтою. И я встрѣтилась съ нимъ, много говорила, много переписывалась и привыкла издавна почитать и любить его.

Другой работалъ въ захолустѣ, въ качествѣ земскаго дѣателя, но скоро вся Россія узнала это захолустье, и лучшіе люди того времени ѣздили туда на поклоненіе ему, его образцовымъ школамъ, его новымъ методамъ преподаванія, отъ которыхъ вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, обновляющимъ,—и для каждаго у него было теплое слово, добрый совѣтъ, горячее участіе и весь онъ безраздѣльно отдавалъ себя любимому дѣлу. Блестящій ораторъ, онъ «глаголомъ жегъ сердца людей», и на земскія собранія стекались толпы, чтобы видѣть и слышать его. Я тоже знала его тогда, въ пору его блестящей, выдающейся общественной дѣятельности, и тоже привыкла почитать и любить это имя. Но оба друга не знали одинъ другого лично и были знакомы только по перепискѣ. Въ перепискѣ этой было высказано много честныхъ мыслей, много сердечныхъ изліяній, но никогда вопросъ, чѣмъ должна быть книга для сельскаго школьника, не проникалъ въ нее. Между тѣмъ это былъ тотъ самый вопросъ, который, будучи поставленъ ребромъ, долженъ былъ произвести взрывъ и заставить друзей разсѣяться въ разныя стороны. Близость къ народной жизни, къ матеріальнымъ нуждамъ крестьянина, горячее желаніе помочь ему—все это ярко отразилось въ книгѣ земскаго дѣателя.

Здѣсь былъ и образецъ прошенія, подаваемого мировому судѣ, и рецептъ, какъ избавиться отъ прусаковъ, клоповъ и другихъ домашнихъ насѣкомыхъ, и совѣтъ, какъ въ чистотѣ и опрятности держать свое тѣло, и многое другое, безъ чего могла-бы обойтись классная книга для чтенія, имѣющая цѣлью развивать умъ и душу ребенка, а не давать ему практическіе совѣты. 20 лѣтъ спустя, авторъ книги и самъ измѣнилъ отчасти взглядъ на этотъ предметъ, и въ предисловіи посмертнаго изданія говорится слѣдующее:

«Начиная съ 13-го изданія книга эта является въ совершенно измѣненномъ видѣ, согласно желанію покойнаго автора; въ книгѣ было не мало статей, которыя имѣли узко-утилитарный характеръ, или такихъ, которымъ мѣсто въ справочной книгѣ, а не въ книгѣ для чтенія. Въ настоящемъ изданіи всѣ такія статьи исключены изъ книги».

Но тогда земскій дѣятель фанатически отстаивалъ каждую строчку и не хотѣлъ уступить ни шагу. Не того ждалъ отъ него заочный другъ, весь пропитанный идеальными взглядами на народъ и желающій перелить въ его душу свои симпатіи и вѣрованія. Вотъ что говорилъ онъ во время публичнаго состязанія въ Педагогическомъ обществѣ, въ то время какъ вся я замирала отъ волненія:

«Авторъ хлопочетъ о томъ, какъ улучшить бытъ крестьянина, сдѣлать простолюдина чистоплотнымъ, смышленнымъ, но начинаетъ дѣло сверху, извнѣ, а не изнутри. Всѣ рецепты будутъ безсильны помочь дѣлу, пока крестьянинъ не получитъ общаго развитія, пока онъ не разовьется высшею стороною своего человѣческаго сознанія. Крайній утилитаризмъ, которымъ проникнута книга, по нашему мнѣнію, никогда не можетъ выполнить этой задачи. Въ самомъ дѣлѣ, въ жизни крестьянинъ работаетъ безъ устали; въ школѣ его снабжаютъ рецептами, правилами, совѣтами, онъ не выходитъ изъ *тѣловой* сферы, изъ задачъ чисто-рабочаго, матеріальнаго характера. Природа—великая и мощная воспитательница человѣка—для него служитъ только полемъ рабочаго упорнаго труда, для него закрыта ея чарующая прелесть, ея обаятельная и обновляющая сила, которая могла-бы облагородить и возвысить его жизнь. Въ то время, когда подъ покровомъ чудно-прозрачной ночи, въ таинственномъ сумракѣ прохладнаго лѣса, весною, звучно раздается рокотъ соловьиной пѣсни, полной нѣги и прелести, ужели крестьянинъ долженъ, въ духѣ книги, высчитывать только, сколько соловей поѣдаетъ вредныхъ для хозяйства насѣкомыхъ и на что еще эта малая птица пригодна? Ужели такое отношеніе къ природѣ можно назвать полною жизнью, признакомъ общечеловѣческаго развитія? Нѣтъ и нѣтъ! Отчего нашъ народъ такъ любитъ пѣсню, какая ему въ ней польза? Оттого,

что народъ чутокъ къ поэтической сторонѣ жизни; оттого, что онъ безсознательно стремится воплотить и радость, и горе, безъ всякихъ интересовъ и расчетовъ, въ пѣвучей, потрясающей душу мелодіи. И, быть можетъ, много и много спасла народу живыхъ элементовъ она—эта пѣсня народная. И ужели народъ не способенъ почувствовать прелесть поэзіи, или она для него не нужна? Кто скажетъ: «нѣтъ»?.. Прочтите «Утро» Никитина, прочтите эту чудную картину, и вы почувствуете, какъ васъ охватилъ прохладный утренній паръ, вы ощутите на вашемъ лицѣ капли «росы серебристой» съ листьевъ печально задѣтаго куста, вы слухомъ услышите шумъ отлетающихъ испуганныхъ утокъ и издали доносящійся до васъ смѣшанный шумъ водяной мельницы. Это-ли не наглядное обученіе? Но мы дослушаемъ поэта:

«А востокъ все горитъ-разгорается,
Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ,
И стоять себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ:
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Вдѣтъ пахарь съ сохой, вдѣтъ—пѣсню поетъ,
По плечу молодцу все тяжелое:
Не боли ты, душа! Отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!»

«Да мы согласны съ педагогомъ, что книга для чтенія должна преслѣдовать высшую задачу истиннаго, общечеловѣческаго развитія, а не одни лишь житейскія, утилитарныя знанія. Намъ назовутъ, быть можетъ, теоретикомъ и идеалистомъ,— пусть такъ; но мы убѣждены, что только идеально-теоретическая точка зрѣнія и есть истинная въ педагогическомъ дѣлѣ».

Рѣчь эта сопровождалась самымъ восторженнымъ залпомъ рукоплесканій. Казалось, противникъ убитъ былъ наповалъ и не подниматься ему на этомъ полѣ сраженія. Но вотъ продолжительные аплодисменты затихли и наступилъ моментъ самозащиты. Липо автора книги носило слѣды тревоги, но ясный взоръ говорилъ, что онъ безгранично вѣритъ въ свою правоту и готовъ до послѣдней капли крови защищать свое дѣтище. Вглядъ этотъ не обманулъ слушателя: плавная, изящная рѣчь полилась быстрымъ потокомъ и разомъ захватила вниманіе и симпатію публики. Онъ говорилъ, что мы не въ правѣ отворачиваться эгоистически отъ язвъ народа, отъ его бѣдности, невѣжества и грязи и убаюкивать себя мыслью, что душа его полна поэзіи и творчества. Онъ говорилъ, что пора сбросить намъ безразличное отношеніе къ этой грязи, нуждѣ и пороку и по-смотреть имъ безбоязненно въ глаза, чтобы узнать врага, съ которымъ придется бороться намъ.

Казалось, устами его говорила сама истина. И новый залп рукоплесканий, таких-же восторженных, таких-же неумолкаемых, покрылъ послѣднія слова оратора.

Я сидѣла, низко опустивши голову, въ какомъ-то туманѣ, не двигаясь съ мѣста, и вдругъ услышала свое имя и фамилію, произнесенными громко и отчетливо съ трибуны оратора-обвинителя. Я вздрогнула, подняла голову, пристально вперила въ него свой тревожный взглядъ и стала слушать внимательно, что говоритъ онъ. Онъ предлагалъ меня въ члены Педагогическаго общества и дѣлалъ мою характеристику въ такихъ яркихъ краскахъ, что кровь прильнула къ моей головѣ и я боялась, что мнѣ сдѣлается дурно.

Рѣчь его была встрѣчена новыми шумными аплодисментами. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, и выборы казались законченными. Какъ вдругъ авторъ книги поднялся съ своего мѣста и сдѣлалъ знакъ, что онъ также желаетъ говорить по данному вопросу. Публика опять заняла свои мѣста, и, оглянувшись кругомъ, я замѣтила тревогу на лицахъ, которыя какъ-бы спрашивали себя, какого рода возраженія скажетъ онъ противъ словъ врага своего и выдержитъ-ли спокойно эти возраженія сконфуженная женщина, принесенная, быть можетъ, въ жертву этимъ пререканіямъ. Но тревога оказалась напрасной. Авторъ книги констатировалъ фактъ, что онъ знакомъ съ практической дѣятельностью этой женщины не по газетамъ, не издали, а видѣлъ ее во-очію тамъ, на югѣ Россіи, и самъ дышалъ воздухомъ этого благотворнаго учрежденія.

Рѣчь его была покрыта новыми восторженными рукоплесканіями. И когда я, съ еще болѣе отяжелѣвшей головой и побагровѣвшими щеками, направлялась, пошатываясь, къ выходу изъ залы, я чувствовала на себѣ сотни взглядовъ и слышала, какъ десятки голосовъ произносили шепотомъ фамилію женщины, во взглядахъ на дѣятельность которой такъ удивительно солидарны оказались два враждующихъ лагеря.

Я не припомню, что было со мною дальше, знаю только, что меня привезли въ Харьковъ въ безсознательномъ состояніи, съ воспаленіемъ мозга. Мнѣ все грезилась какая-то дѣвочка въ углу. Большіе черные глаза смотрѣли на меня пронизательно, и блѣдное худое личико было полно страданія. «Я твоя душа,—говорила мнѣ дѣвочка въ черныхъ лохмотьяхъ,—и я не хочу оставаться здѣсь, въ этихъ роскошныхъ палатахъ. Пощади меня! Уйдемъ отсюда!». И голосъ этотъ разрывалъ мое сердце. Я вскакивала съ постели; мнѣ хотѣлось бѣжать куда-то безъ оглядки, но заботливыя руки останавливали меня и укладывали снова въ постель. Бывали, впрочемъ, и другія

минуты, когда я, говорятъ, удивительно импровизировала цѣлые монологи и стихи...

И вотъ минутами, очнувшись отъ этого забытья, я видѣла надъ собою доброе, гуманное лицо человѣка, который съ участіемъ и любовью глядѣлъ на меня. Онъ говорилъ мнѣ тихія, задушевные слова; онъ уговаривалъ меня пить какія-то лѣкарства, и я чувствовала, какъ подъ вліяніемъ этой теплоты и ласки, сознаніе все больше и больше возвращается ко мнѣ. И когда я сознала, наконецъ, вполне и себя, и окружавшую меня жизнь, я поняла, что этотъ добрый геній, парившій надо мною и сившійся возвратить меня къ жизни, былъ Владиславъ Андреевичъ Франковскій.

И вотъ теперь наступилъ день нравственной расплаты всѣхъ тѣхъ, кому спасалъ онъ жизнь. «И неужели я останусь малодушно въ постели, дрожа за жизнь, которою я обязана ему? Нѣтъ, жизнь за жизнь!» восторженно думаю я, хватаясь за свою пылающую голову, и быстро одѣваясь, поспѣшно отправляю сына заказывать бархатную папку и лихорадочно пишу адресъ отъ имени учительницъ воскресной школы. На другой день, въ 8 час. утра, я такъ-же поспѣшно отправляюсь къ проф. Грубе, председателю предстоящаго собранія, заявляю ему о нашемъ желаніи участвовать въ оваціи, перечитываю передъ нимъ адресъ, получаю его полное одобреніе и лечу въ школу для собиранія подписей. Но тутъ встрѣчаетъ меня новое обстоятельство: для осмотра школы явились интеллигентный господинъ, членъ правленія общественной библіотеки, классная дама женской гимназіи и какія-то двѣ молодыя учительницы, преисполненные желанія узнать, что это за дѣло, еще незнакомое, невѣдомое имъ. О господинѣ я слыхала, будто онъ скептически относится къ такого рода предпріятіямъ и считаетъ ихъ дамской забавой отъ нечего дѣлать; но лицо его такъ симпатично, такъ много внушаетъ довѣрія, изъ-подъ очковъ смотрятъ такіе умные, добрые глаза, что какъ-же я оставлю его въ этомъ заблужденіи, какъ не покажу ему своей группы, успѣховъ своихъ взрослыхъ ученицъ, ихъ отношеній ко мнѣ, полныхъ дружелюбія?! А классная дама женской гимназіи? А эти двѣ милыя дѣвушки, въ души которыхъ неизбѣжно заронить зерно симпатіи къ школѣ? Нѣтъ, мнѣ обязательно надо дать для нихъ «представленіе», какъ шутя выражаюсь я,—вѣдь у меня еще два часа впереди. И я поручаю собираніе подписей одному изъ участниковъ школы и приглашаю на «представленіе» милыхъ гостей.

Подписи собрать очень легко: всѣ съ восторженнымъ сочувствіемъ относятся къ юбиляру, всѣмъ нравится составленный мною въ жару адресъ. «Представленіе» также идетъ очень хорошо: я занимаюсь съ такимъ одушевленіемъ, что даже самыя тупыя ученицы какъ

будто поумнѣли. Меня не огорчаетъ даже извѣстіе, что моя глупая Лукерья В. рѣшила привести немедленно въ исполненіе свой глупый планъ покинуть безпричинно школу. «Проживетъ и безъ ученія!» невольно думаю я, вспоминая тупое выраженіе ея лица, а дворничиха, какъ-бы угадывая мою мысль, говоритъ мнѣ въ унисонъ: «такимъ не къ чему учиться,—у нея совсѣмъ другое въ головѣ». Дворничиха, по прежнему, приводитъ меня въ восторгъ: она догадалась дома, во время усиленныхъ занятій въ одиночку, что незнакомый ей новый звукъ долженъ называться *н*. «Думаю себѣ, какое такое слово *луа*? должно быть *луна*. А дальше: *раа*, должно быть—*рана*, а рядомъ—*оги*, должно быть—*ноги*. Прислушиваюсь сама къ себѣ, ей-Богу, должно быть *н*; такъ оно и вышло на повѣрку!».

За два часа своихъ одушевленныхъ занятій я прохожу не два, а три звука: *л*, *н*, *і*. Это не мѣшаетъ мнѣ отрываться минутами и посвящать своихъ гостей въ ходъ занятій. Я предлагаю имъ разсмотрѣть мою записную тетрадь, изъ которой они могутъ видѣть весь ходъ занятій; я прошу ихъ даже навести справку, какое именно воскресенье занимаемся мы—8-е или 9-е, чтобы судить правильно о результатахъ, которыхъ достигла я; я показываю имъ доски ученицъ, съ ихъ болѣе или менѣе красивыми начертаніями словъ. Одна изъ ученицъ, напоминающая свойствами Лукерью В., все пропускаетъ звуки при письмѣ. Я показываю гостямъ и ея доску и объясняю имъ, что на 4-й часъ, во время Закона Божія, ученица эта будетъ заниматься отдѣльно съ молодой учительницей, чтобы догнать классъ. Въ 12 час. я прощаюсь при нихъ съ ученицами, говоря имъ о своемъ отъѣздѣ и о томъ, что я поручаю ихъ А. Д. Г., и въ то-же время, обращаясь къ гостямъ, подаю имъ тетрадку, въ которой написано мое завѣщаніе А. Д. Кромѣ того, я дарю имъ по брошюркѣ Абрамова, которая постоянно находится у меня подъ рукой въ моемъ школьномъ ящикѣ и которая, по моему мнѣнію, еще яснѣе ознакомить ихъ съ дѣломъ, съ которымъ они желали познакомиться.

73 подписи собраны подъ адресомъ; бархатная папка сдѣлана со сказочной поспѣшностью; часы показываютъ половину перваго: извозчикъ ждетъ уже, и мы садимся въ экипажъ съ А. Д. И. Но я не въ силахъ еще отдѣлаться отъ впечатлѣній школы: лица ученицъ и гостей стоятъ еще предо мною, и мнѣ кажется, что глаза интеллигентнаго скептика стали еще добрѣе и вдумчивѣе; мнѣ кажется, что они говорятъ: «нѣтъ, это не шутка, не праздная затѣя, и дѣло это, навѣрное, вноситъ капельку добра въ жизнь». На лицѣ классной дамы я также вижу умиленіе, а милыя барышни такъ и сіяютъ восторгомъ.

Пусть я ошибаюсь въ этомъ, пусть обманываетъ меня мое живое

воображеніе, но мнѣ такъ хорошо, такъ легко дышать при сознаніи этой маленькой, но дорогой для меня побѣды. Эти двухчасовыя напряженныя занятія не только не утомили меня, а, напротивъ, придали мнѣ бодрости и силы. Я вѣрю въ успѣхъ своего адреса и, оживленная и веселая, вхожу въ красивую думскую залу. Распорядитель, видя бархатную папку въ моихъ рукахъ, предлагаетъ мнѣ пройти въ первый рядъ; но мнѣ кажется это нескромнымъ и я занимаю кресло въ третьемъ ряду. Вообще, мнѣ кажется, что я должна держать себя какъ можно скромнѣе, какъ представительница отъ общества учительницъ. Я довольна своимъ простымъ чернымъ суконнымъ платьемъ, хотя вижу, что другія дамы моихъ лѣтъ и общественнаго положенія одѣты въ шелковыя. Я оглядываюсь кругомъ и вижу направо огромное общество медиковъ съ извѣстными представителями во главѣ; налѣво стоитъ кафедра для будущихъ ораторовъ; за большимъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, я вижу антично-красивое, суровое и умное лицо предсѣдателя собранія. Вся зала полнымъ-полна народу или, точнѣе сказать, интеллигенціей. И, Господи, кого только нѣтъ тутъ! Рядомъ съ представителемъ крупной торговой фирмы стоитъ потертый студенческій мундиръ; бокъ-о-бокъ съ барышней въ кружевахъ и атласахъ ютится скромная дѣвушка въ старенькомъ шерстяномъ платьѣ; даже нумерованныя, такъ сказать, мѣста на окнахъ всѣ заняты публикой. Хоры до такой степени полны народомъ, что я невольно осматриваю, на какихъ собственно подставкахъ держатся они. Рядомъ съ древней старушкой въ старомодномъ чепцѣ я вижу тамъ молоденькое, хорошенькое личико дѣвушки, почти ребенка; какой-то сѣдовласый старецъ силится протиснуть впередъ подростка-гимназиста, должно быть, внука и, наклонившись, объясняетъ ему что-то на ухо. «Онъ, вѣрно, спасъ этого мальчика!» невольно думаю я о юбилярѣ. И мнѣ кажется, что и эта старушка въ старомодномъ чепцѣ, и эта молодая дѣвушка съ розовымъ личикомъ, и этотъ гимназистъ-подростокъ—все это живая лѣтопись дѣяній почтеннаго юбиляра. Я чувствую необыкновенный подъемъ духа. «Какое огромное воспитательное значеніе имѣютъ для общества подобныя торжества!» думаю я. Но въ то-же время взглядъ мой падаетъ на первые ряды креселъ, и я чувствую въ душѣ какой-то притокъ разочарованія. Рядомъ съ княземъ въ широкой красной лентѣ и звѣздѣ сидитъ предводитель дворянства, по лѣвую его руку—предсѣдатель судебной палаты, еще далѣе—осанистый генералъ съ грудью, увѣшанной орденами... Боже мой, какіе они всѣ надутые и важные! Зачѣмъ они здѣсь? Я не ждала ихъ, я не для нихъ составляла мой адресъ, я не могу читать его при нихъ, мнѣ дѣлается ужасно тяжело и боязно... Но въ эту минуту во входныхъ дверяхъ въ залъ показывается высокая, нѣсколько сгорбленная фигура юбиляра. Нѣсколько меди-

ковъ суетливо сопровождаютъ его. Онъ положительно имѣетъ видъ жертвы. Блѣдное лицо все какъ-то осунулось, щеки запали, помутившіеся глаза опущены внизъ. И если-бы мнѣ сказали, что человѣка этого ведутъ на казнь, я беззавѣтно повѣрила-бы этому. И дѣйствительно, настоящее торжество являлось для него казнью. Скромный, чуждый всякаго тщеславія, онъ два года сряду уклонялся отъ этихъ шумныхъ овацій, отъ этого блестящаго торжества, которое теперь, можно сказать, силою заготовили и устроили его друзья и почитатели. Узнавши объ этомъ, онъ молилъ ихъ позволить ему остаться дома и праздновать юбилей безъ него, но они не вняли его просьбамъ и требовали его присутствія. Страдая въ послѣднее время остановкой біенія сердца при малѣйшемъ волненіи, онъ почти увѣренъ, что не возвратится домой живымъ послѣ этого торжества. И когда докторъ Ш. пріѣхалъ за нимъ, онъ, подавая ему руку, сказалъ: «выслушайте мой пульсъ и скажите моей женѣ и дѣтямъ, возвратите-ли вы меня домой живымъ». И дѣйствительно, глядя на это блѣдное, потухающее лицо, становилось страшно за его жизнь; но въ то-же время оно внушало какое-то особенное чувство благоговѣнія: хотѣлось стать передъ нимъ на колѣни и молиться ему.

И вотъ потянулся цѣлый рядъ депутатій, адресовъ, рѣчей, поздравленій. Прочтена была біографія юбиляра, составленная просто, живо, искренно и хватающая за сердце своимъ содержаніемъ; прочтенъ былъ докладъ о дѣтской больницѣ, иниціаторомъ которой былъ Владиславъ Андреевичъ; теплотой и задушевностью отмѣчена была статья д-ра П., озаглавленная «Нравственное вліяніе В. А. Франковского»; привѣтствовала юбиляра Харьковская городская дума, почтивши его высокимъ титуломъ гражданина г. Харькова; чинно подошла къ столу группа мировыхъ судей съ привѣтствіемъ отъ съѣзда. Все это было въ высшей степени торжественно и трогательно; но никто не произвелъ на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ докторъ съ неизвѣстной мнѣ фамиліей, взшедшій на кафедру. Передъ нами стоялъ умирающій человѣкъ съ желтымъ, какъ пергаментъ, исхудавшимъ лицомъ и ввалившейся грудью; онъ нѣсколько минутъ не могъ говорить отъ приступа чахоточнаго кашля. И казалось, что вотъ-вотъ капель этотъ задушить его и передъ нами очутится трупъ. Но впалые глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ и, гордо борясь съ своимъ недугомъ, онъ заговорилъ громкимъ, хотя и нѣсколько прерывающимся голосомъ. Это была поистинѣ вдохновенная рѣчь. Онъ ярко и образно нарисовалъ идеаль человѣка-врача и, поставивши вопросъ: возможенъ-ли этотъ идеаль въ жизни?—сдѣлалъ энергическій жестъ по направленію къ Владиславу Андреевичу и сказалъ сильнымъ, торжественнымъ голосомъ: «вотъ онъ, мы видимъ его между нами!»

Громъ рукоплесканій покрылъ слова оратора. Я приняла эти слова за эффектный конецъ, но оказалось, что въ запасъ у этого пылкаго умирающаго человѣка имѣлось еще много горячихъ словъ, блестящихъ сравненій, оригинальныхъ выводовъ. Но ничто не было такъ трагически эффектно, какъ его заключительныя слова: «Я знаю, что дни мои сочтены,—сказалъ онъ голосомъ, отъ котораго вѣяло могилей,—но я все-таки счастливъ въ эту минуту тѣмъ, что дожиль до этого дня торжества лучшаго изъ людей».

И этотъ «лучшій изъ людей», точно пробужденный электричествомъ этой предсмертной рѣчи, быстро привсталъ, быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу и крѣпко жалъ въ своихъ рукахъ протянутыя къ нему худыя руки оратора. Я жадно вглядывалась въ это пергаментное лицо; мнѣ казалось, что я вижу его не въ первый разъ. И вдругъ въ воображеніи моемъ совершенно неожиданно, какъ это бываетъ иногда, нарисовалась картина далекаго прошлаго. Это было въ зиму моего страстнаго увлеченія оперой. Я стояла на улицѣ у фонарнаго столба и читала афишу; къ той-же афишѣ подошелъ юноша-блондинъ съ неправильными, некрасивыми чертами лица, небольшого роста, худощавый и съ тѣмъ лихорадочнымъ, выразительнымъ взглядомъ, который часто предвѣщаетъ чахотку. Не знаю, какъ это случилось, но мы разговорились съ нимъ, точно будто старые знакомые, и прошли вмѣстѣ до самаго нашего дома. Мнѣ не пришлось даже въ голову спросить, кто онъ, или назвать свою фамилію. Все, что говорилъ онъ по поводу оперы, было такъ умно, содержательно, прекрасно, что я чувствовала въ немъ только своего единомышленника и ничего не желала болѣе. Съ тѣхъ поръ я потеряла его изъ виду. И вотъ, въ этомъ маленькомъ, исхудаломъ скелетѣ, въ этихъ горящихъ, по прежнему, лихорадочнымъ огнемъ глазахъ я узнала загадочную встрѣчу прошлыхъ лѣтъ, и сердце мое сжалось еще мучительнѣе, еще больнѣе. И чѣмъ больше вглядывалась я въ пергаментное лицо, тѣмъ больше удостовѣрялась, что не ошиблась въ своемъ предположеніи. Но этого мало, оно напомнило мнѣ еще одно такое-же пергаментное лицо, которое знала я въ ранніе годы моей юности. Мнѣ было 16—17 лѣтъ и отецъ мой строго оберегалъ меня отъ тлетворныхъ вѣяній либерализма. Но, съ свойственной мнѣ живостью и предпримчивостью, я пробралась какъ-то въ семью политическаго ссыльнаго, который возвращенъ былъ на родину умереть.

Умирающій отечески полюбилъ пылкую, восторженную, полную жизни дѣвушку, которая молилась на него, и незадолго до своей смерти написалъ ей въ альбомѣ слѣдующіе стихи:

«Весеннее солнце пригрѣло,
«Весеннія воды шумятъ...

«И таетъ, какъ свѣтъ, изболѣвшее тѣло,

«И щеки румянцемъ горять.

«Больной... Но давно-ль онъ такъ смѣло

«Шелъ въ жизни не битымъ путемъ?

«И шелъ онъ за правое дѣло,

«Исполненный чуднымъ огнемъ,

«Огнемъ молодыхъ упованій...

«О, молодость! сгинула ты,

«Исчезли подъ гнетомъ страданій

«Твои золотыя мечты.

«Онъ молодъ годами, но сила

«Страдальцу давно измѣнила:

«Ядъ нравственной пытки въ немъ силу убилъ,—

«Онъ молодъ лѣтами, но старчески хилъ.

«Себѣ ничего онъ не ждалъ,

«Своей догорающей жизни

«Послѣдніе дни доживалъ;

«Но юный порывъ увлеченія

«Всегда онъ съ восторгомъ встрѣчалъ

«И ѣдкой улыбкой сомнѣнья

«Отравы въ него не вливалъ.

«Въ немъ прежняя вѣра осталась.

«Онъ счастливъ былъ, если при немъ,

«Шумя, молодежь волновалась,

«И старая новымъ огнемъ

«Энергія въ немъ загоралась.

«Но вреденъ порывъ для больного:

«На мигъ оживилось лицо;

«Удушливый кашель... и снова

«Поспорить-бы могъ съ мертвецомъ

«Онъ цвѣтомъ лица,—лишь свѣтились

«Огнемъ вдохновеннымъ глаза,

«Да, вѣрно, отъ кашля катилась

«По блѣднымъ ланитамъ слеза».

Я сидѣла припомнить послѣднія строки забытаго стихотворенія и, продолжая глядѣть издали на пергаментное лицо, думала: «какъ похожи они всѣ между собою, чахоточные!» Въ это время прочитанъ былъ послѣдній мужской адресъ, правду сказать, довольно монотонно, и въ общемъ начинало чувствоваться утомленіе и скука.

«Адресъ учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы», произнесъ отчетливо голосъ предсѣдателя. Я взяла уже въ руки свою бархатную папку, намѣреваясь открыть ее и достать оттуда адресъ (мнѣ казалось скромнѣе читать съ мѣста), но докторъ-распорядитель приблизился ко мнѣ и пригласилъ меня подойти къ столу. Я почувствовала вдругъ, какъ замерло мое сердце, какъ похолодѣли руки, какъ кровь прильнула къ головѣ; но, сѣлая призвать

на помощь присутствіе духа, я все-таки, какъ кажется мнѣ, прошла спокойно и съ достоинствомъ мимо всѣхъ этихъ князей, предводителей дворянства и предсѣдателей судебныхъ палатъ. Когда я очутилась у стола лицомъ къ лицу съ Владиславомъ Андреевичемъ, я вдругъ позабыла обо всѣхъ и обо всемъ; передо мной было одно только это знакомое, доброе, прекрасное лицо съ ласкающимъ и одобряющимъ меня взглядомъ. Я почувствовала вдругъ, что все то, что хочу сказать я, принадлежитъ ему одному и что мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до всѣхъ этихъ звѣздъ, орденовъ и мундировъ. Я знала свой коротенькій адресъ наизусть, такъ какъ перечитывала его и дома, и въ школѣ, и у проф. Грубе. Вотъ почему, почти не глядя въ него, а глядя въ глубину этихъ безконечно добрыхъ старческихъ глазъ, я начала громко, внятно и съ одушевленіемъ:

«Глубокоуважаемый Владиславъ Андреевичъ!

«Позвольте и намъ, учительницамъ, скромно работающимъ на нивѣ народнаго образованія, присоединиться къ чествованію счастливаго дня 50-лѣтія вашей общественной дѣятельности и въ немногихъ, но искреннихъ словахъ, высказать все то, что мы думаемъ и чувствуемъ по этому поводу.

«Вы, Владиславъ Андреевичъ, принадлежите къ числу тѣхъ немногихъ высокогуманныхъ людей, жизнь которыхъ является сплошнымъ подвигомъ служенія страждущему человѣчеству.

«Вотъ почему въ глубокомъ уваженіи къ вамъ и въ самыхъ горячихъ симпатіяхъ сходятся люди самыхъ разнообразныхъ направленій, взглядовъ и партій; вотъ почему въ сегодняшнемъ гимнѣ вамъ слились самые разнообразные голоса и всѣ такъ одушевлены однимъ общимъ стремленіемъ чествовать васъ.

«Но какъ ни торжественно настоящее чествованіе, оно было-бы еще торжественнѣе и трогательнѣе, если-бы пришли сюда всѣ тѣ несчастные, сирые, обездоленные, которымъ вы такъ часто и такъ много протягивали вашу великодушную руку помощи и въ безпроевѣтную жизнь которыхъ отзывчиво вносили участіе, слова утѣшенія и радость.

«Пусть-же эти неисчислимыя и неслышныя міру благословенія сольются въ нашемъ общемъ гимнѣ и откликнутся въ вашей прекрасной душѣ сознаніемъ, какъ много любви, добра и свѣта внесено вами въ жизнь за эти полстолѣтія».

23 февраля 1892 г.

Мои послѣднія слова были покрыты громомъ рукоплесканій. И когда я, взволнованная, потупивши глаза, возвращалась въ свой третій рядъ, я проходила подъ градомъ этихъ рукоплесканій. Я опустилась въ кресло и вздохнула свободнѣе, а рукоплесканія все продолжались съ неумолкаемой силой.

Есть люди восторженные, увлекающіеся, способные преувеличивать и быстро заражаться общим настроеніемъ, и есть другіе — спокойные, разумные, справедливые, мнѣніе которыхъ цѣнится поэтому на вѣсъ золота. Къ числу ихъ принадлежитъ А. Д. И. Вотъ почему, когда она, наклонясь къ моему уху, сказала тихо: «Прекрасно, превосходно! Вы получили самые громкіе апплодисменты», — я разомъ поняла, что вышла съ полнымъ триумфомъ изъ этого испытанія и что мое живое воображеніе не преувеличило силы апплодисментовъ.

Но и въ восторженныхъ отзывахъ не было недостатка: ко мнѣ подходили съ ними люди самыхъ разнообразныхъ профессій и направлений, начиная отъ профессора-филолога, который признавалъ безупречнымъ и мой слогъ, и мою дикцію, и кончая банкиромъ-евреемъ, который со страстностью, свойственной ихъ націи, и со слезами на глазахъ говорилъ горячо, пожимая мнѣ руки: «Прекрасно, неподобно! Вашъ голосъ разбудилъ уставшую и утомленную толпу, а ваша рѣчь проникла прямо въ сердце и всецѣло завладѣла имъ». Младшая дочь юбиляра заключила меня въ свои объятія, за нею послѣдовала старшая, а жена Владислава Андреевича крѣпко жала мнѣ руки и со слезами на глазахъ высказывала свое сочувствіе и признательность.

Когда апплодисменты стихли, началось чтеніе телеграммъ; ихъ насчитывали до 100; разнообразіе ихъ было удивительное: здѣсь были и телеграммы отъ обществъ, и отъ товарищей по профессіи, и отъ частныхъ лицъ: встрѣчались имена высокопоставленныхъ лицъ, и простыхъ смертныхъ; были телеграммы длинныя, содержательныя, серьезныя и восторженные привѣты въ нѣсколько словъ. Но все это тянулось слишкомъ долго, начинало чувствоваться утомленіе. Какъ вдругъ на всѣхъ насъ пахнуло разомъ деревней, природой, жизнью, и единодушный залпъ рукоплесканій покрылъ слова чтеца. Прочитана была такая телеграмма:

«Будь здоровъ! Долго, долго живи, мой благодѣтель!

Крестьянка З.»

Мнѣ говорили потомъ, что какъ-то давно у неграмотной крестьянки Ахтырскаго уѣзда, З—й, заболѣлъ смертельно единственный сынъ-мальчикъ. Отчаяніе несчастной матери было такъ велико, что кто-то изъ грамотныхъ людей посоветовалъ ей затратить 2 р. и послать телеграмму въ Харьковъ испѣлителю болящихъ, В. А. Франковскому. Несчастливая мать не пожалѣла 2 р. Телеграмма ея вышла въ высшей степени трогательной; она нашла откликъ въ сердцѣ великодушнаго человѣка-врача, и онъ пріѣхалъ спасти ея единственнаго сына.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Единственный сынъ сталъ сельскимъ учителемъ. И когда онъ прочелъ ей въ «Южномъ Краѣ»

о предстоящемъ празднествѣ В. А. Франковскаго, крестьянка З. не пожалѣла послѣднихъ грошей и сочинила телеграмму, которую слышали мы. Вотъ почему въ словахъ этой женщины заключалось такъ много электричества; вотъ почему оно отозвалось въ нашихъ сердцахъ такою зажигательной искрой; вотъ почему мнѣ казалось, что пальма первенства настоящаго торжества принадлежитъ женщинѣ, — и я, гордая и счастливая, вышла изъ юбилейной залы. Мнѣ слѣдовало ѣхать, но я не чувствовала ни малѣйшей усталости послѣ этого семичасового нервнаго возбужденія и быстро пошла пѣшкомъ. На полдорогѣ я встрѣтила своихъ друзей-учительницъ. Сказавши имъ, что я возвращаюсь не «на щитѣ», а «со щитомъ», и на-лету сообщивши имъ о своемъ триумфѣ, я заявила весело: «ну, господа, сегодня вечеромъ идемъ въ театр!»

— Богъ съ вами, Христина Даниловна! — отвѣчали онѣ мнѣ. — Давно ли вы встали съ постели? И послѣ такой усталости!.. Это положительно невозможно!

Но я увѣряла ихъ, что совершенно здорова, и взяла съ нихъ слово, что онѣ зайдутъ за мною въ 7¹/₂ ч. Однако гораздо раньше 7¹/₂ ч. я уже лежала бездыханно въ постели и даже на другой день еле-еле встала и одѣлась въ виду своихъ многочисленныхъ и неотложныхъ дѣлъ.

Въ 4 часа того-же дня дѣти прибѣжали сказать мнѣ, что приѣхалъ В. А. Франковскій. Я быстро направилась въ залу и увидѣла вчерашняго юбиляра совѣмъ съ другимъ, помолодѣвшимъ и какъ будто даже пополнившимъ лицомъ. Онъ припалъ къ моимъ рукамъ и долго и горячо цѣловалъ ихъ, говоря душевнымъ голосомъ: «Вѣрьте, что ни одно привѣтствіе не произвело на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ ваше. До него я могъ-бы еще что-нибудь сказать, обращаясь къ публикѣ, но оно положительно доканало меня, и я могъ только плакать, а не говорить. Но, ради Бога, берегите себя, не напрягайте слишкомъ душевныхъ струнъ, которыя называются нервами, иначе онѣ могутъ когда-нибудь разорваться».

На другой день я чувствовала себя еще болѣе больной и послала за профессоромъ Т., страшась его запрещенія ѣхать въ Петербургъ. Ёхать онъ позволилъ, а болѣзнь мою нашелъ результатомъ потрясенныхъ нервовъ и говорилъ мнѣ, улыбаясь: «Когда я слушалъ вашу прекрасную рѣчь и смотрѣлъ на ваше оживленное и покраснѣвшее лицо, я былъ увѣренъ, что на другой день вы сляжете въ постель. Такъ и случилось. Въмѣсто лѣкарствъ, я даю вамъ предписаніе никогда не принимать такого горячаго участія въ юбилеяхъ и не производить такихъ блестящихъ рѣчей».

Мнѣ стало весело отъ предписаній профессора Т., а тутъ со всѣхъ

сторонѣ до меня доходили все новые и новые слухи о триумфахъ моихъ въ юбилейной залѣ. Вотъ что писала мнѣ, напримѣръ, въ своей запискѣ Е. Д. Г.:

«Я видѣлась съ братомъ, и онъ мнѣ съ восторгомъ говорилъ о вашемъ чтеніи на юбилей. По его наблюденію, чувствовавшееся послѣ чтенія адресовъ и мужскихъ рѣчей утомленіе въ публикѣ послѣ вашего чтенія совершенно исчезло».

Всѣ эти триумфы въ высшей степени напоминали мнѣ мое парижское торжество, но харьковское оказалось мнѣ еще ближе, дороже, роднѣе.

Воскресенье, 1-го марта 1892 г.

Болезнь невѣстки моей сдѣлала поѣздку мою въ Петербургъ невозможной. Въ субботу температура поднялась до 40 съ лишнимъ градусовъ, и въ душѣ моей не было другихъ мыслей и чувствъ, кромѣ отчаянія. Въ воскресенье, въ 8 часовъ утра, замирая отъ страха, я подходила къ дому, который еще такъ недавно казался мнѣ счастливейшимъ въ мірѣ, и чѣмъ ярче рисовалось передо мной это недавнее счастье, тѣмъ большимъ ужасомъ и холодомъ вѣяло отъ предстоящаго удара. вмѣстѣ со мною вошелъ профессоръ Т., и нѣсколько минутъ, которыя провелъ онъ въ комнатѣ больной, показались мнѣ долгими часами. Когда онъ вышелъ оттуда, лицо его было совершенно весело. Извѣстіе, что температура упала до 38°, наполнило душу мою новымъ сладкимъ чувствомъ надежды, почти увѣренности. и я счастливей даже, чѣмъ послѣ триумфа въ городской залѣ, быстро направилась въ школу. Всѣ лица учительницъ и ученицъ казались мнѣ въ высшей степени добрыми и привѣтливыми. Каждый вопросъ о здоровьѣ больной, казалось мнѣ, шелъ изъ самаго сердца и вызывалъ во мнѣ теплое чувство признательности. Я всѣхъ и все любила вокругъ, всѣмъ была за что-то благодарна. И дѣйствительно, нужно было видѣть лица моихъ ученицъ, когда я неожиданно вошла въ залу, гдѣ занимались онѣ съ А. Д. Г. Не обращая вниманія на присутствіе А. Д., онѣ объясняли мнѣ, какъ было грустно имъ безъ меня, какъ и ученіе шло совсѣмъ иначе, и я ни разу еще не чувствовала съ такою ясностью той нравственной связи, которая установилась между мною и всѣми этими простыми людьми, пришедшими сюда съ окраины города. Не доставало только любимицы моей, прачки Марьяны, и я сильно подозрѣвала, что ей грустно было придти безъ меня въ школу.

Недавно мужъ мой ѣздилъ въ Кіевъ, и я просила его привезти оттуда, изъ Кіево-Печерской Лавры, 18 иконокъ или крестиковъ для подарка моимъ ученицамъ. Этотъ знакъ вниманія какъ-то особенно кстати пришелся въ это именно воскресенье и какъ-бы еще больше придалъ задушевности и теплоты нашей встрѣчѣ.

Въ настоящее воскресенье мы прошли звуки *ы* и *о*. Хотѣла, было, я показать третій, но слабѣйшія изъ ученицъ смѣшивали *ы* и *л*, и я рѣшила не двигаться дальше. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ ужасно жаль было сильнѣйшихъ ученицъ, особенно Елены Б., которая съ помощью своего младшаго братишки, учащагося въ приходскомъ училищѣ, прошла за эту недѣлю весь алфавитъ, усвоила твердо начертаніе всѣхъ буквъ и написала некрасивымъ, правда, но мелкимъ почеркомъ три страницы тетради. Тотъ, кто не видалъ, какъ она выводила въ первое воскресенье безобразные элементы, навѣрное не повѣрилъ-бы, что она пришла въ школу, не умѣя писать, а для того, кто былъ тому свидѣтелемъ, это казалось положительно чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Вотъ почему, глядя въ умное и доброе лицо Елены Б., я какъ-бы извинялась передъ нею и говорила ей: «Мнѣ очень совѣстно, что мы подвигаемся такъ медленно, но, право, для васъ есть и въ этомъ польза. Дома вы занимаетесь себѣ, какъ хотите, и подвигайтесь впередъ, а здѣсь мы идемъ медленно, но вполнѣ правильно». Точно будто желая оправдать это, Б. чаще другихъ дѣлала звуковые пропуски въ диктовкѣ, что я деликатно ставила ей на видъ.

Изъ постороннихъ посѣтителей у насъ была молодая учительница, пріѣзжавшая изъ Кременчуга. Это третье уже лицо, пріѣзжавшее оттуда въ третью очередь. Очевидно, они заражаютъ другъ друга интересомъ къ школѣ до рѣшимости ѣхать въ Харьковъ, за 243 версты. Это новое лицо—очень милая, красивая, цвѣтущая молодая дѣвушка, нѣсколько старше, но гораздо застѣнчивѣе и молчаливѣе своей предшественницы.

«Что это, какіе все симпатичные люди пріѣзжаютъ отъ васъ, изъ Кременчуга!» вырвалось у меня невольно при видѣ ея милого смущеннаго лица.

Она точно приросла къ моей группѣ и слушала меня цѣлыхъ два часа сряду. Наконецъ, я догадалась, что это зависитъ не отъ прелести моего преподаванія, а оттого, что она не рѣшается двинуться съ мѣста, и любезно предложила ей послушать другихъ.

Я очень дорожу также тѣмъ, чтобы лица, командированныя отъ воскресныхъ школъ для осмотра нашей школы, присутствовали при раздачѣ книгъ и переспросахъ прочитаннаго, почему и просила кременчугскую учительницу остаться послѣ занятій, что она охотно исполнила. Пригласила я ее также на завтрашнее кружковое собраніе, и очень рада, что въ виду ея не 16-ти, а, вѣроятно, 18-ти лѣтъ, мамаша не брала съ нея слова не оставаться болѣе одного дня въ Харьковѣ, какъ это было съ ея юной предшественницей.

Понедѣльникъ, 16-го марта 1892 года.

Я выѣхала въ Петербургъ 3-го марта и возвратилась оттуда 13-го; слѣдовательно, пропустила всего-на-всего одно воскресенье. Необходимо будетъ попросить М. Н. С., составляющую еженедѣльный отчетъ, обозначить причину моего пропуска, такъ какъ я считаю эту причину вполне законной. У насъ не разъ возбуждался вопросъ, слѣдуетъ-ли требовать отъ учительницы, чтобы она заявляла о причинахъ своего пропуска, и обыкновенно рѣшался большинствомъ въ томъ смыслѣ, что это есть личное дѣло учительницы и что врываться въ ея личную жизнь никто не имѣетъ права. Но я всегда оставалась въ меньшинствѣ лицъ, претендующихъ на то, что только особенно важныя причины заставляютъ ихъ пропускать школу и что оправдать себя въ глазахъ школьнаго общества указаніемъ на эти причины онѣ считаютъ желательнымъ для себя правомъ.

Поѣздки мои въ Петербургъ находятся обыкновенно въ тѣсной связи со школьнымъ дѣломъ; но я не заносу ихъ въ школьный дневникъ, такъ какъ въ нихъ часто врывается матеріалъ, не относящійся на себѣ педагогическаго характера и не касающійся школы. Вотъ почему замѣтки подобнаго рода я называю обыкновенно «докладами», не входящими собственно въ школьный дневникъ.

По приѣздѣ изъ Петербурга я съ удовольствіемъ узнала, что въ прошлое воскресенье всѣ мои ученицы были въ школѣ, о чемъ А. Д. Г. писала мнѣ въ Петербургъ. Письмо это не захватило меня, впрочемъ, тамъ, и почтальонъ подалъ мнѣ его только сегодня. Вотъ что заключало въ себѣ это милое письмо:

«Многоуважаемая Христина Даниловна!

Спѣшу увѣдомить васъ о моихъ занятіяхъ сегодня. Буду писать вамъ многія подробности, можетъ быть, совершенно лишнія.

Въ школу я шла въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, позабывъ совершенно, что многія изъ моихъ (на этотъ разъ) ученицъ могутъ не придти, не надѣясь найти во мнѣ такую-же опытную и хорошую преподавательницу, какъ вы. Придя въ школу довольно поздно (было, кажется, безъ 10 м. десять), я встрѣтила 2—3 ученицъ; это меня немного смутило; однако, я рѣшила не унывать, живо разставила съ ученицами столы, принесла всѣ необходимыя принадлежности. Послѣ молитвы, когда всѣ разошлись, я посмотрѣла на свою группу и—о, ужасъ!—душъ 8 всего. Это задѣло немного мое самолюбіе; однако, я начала заниматься хотя съ нѣскольکو упавшимъ духомъ. Черезъ нѣскольکو минутъ, къ великой моей радости, являются одна, другая, третья... всѣ! Это меня такъ поразило (я никогда не могла предположить, чтобы онѣ всѣ пришли) и въ то-же время ободовало, ободрило, что я съ жаромъ начала заниматься. Сначала

мнѣ показалось, что ученицы смотрятъ на меня съ недовѣріемъ и даже съ нѣкоторою непріязнью, но къ концу часа (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось) мнѣ удалось завоевать ихъ довѣріе и даже симпатію, что меня страшно обрадовало. Я уже тогда подумала: неужели я могу когда-нибудь хорошо преподавать?

Прежде всего, пересмотрѣвъ домашніе работы, я занялась повтореніемъ прошлаго урока, затѣмъ показала имъ новый звукъ *д*. Второй часть—упражненія на звукъ *д* и новый (показанный) *к*. Третій часть—арифметика, которою я просила заниматься Б., такъ какъ я и не люблю, и совершенно не умѣю преподавать ее. Четвертый часть—слабыя занимались съ Б. и со мною. Все-же остальное время я занималась сама. По моему, ученицы всѣ способныя; маленькое исключеніе могутъ составить только Л. и Анюта.

Теперь позвольте, Христина Даниловна, подѣлиться мнѣніемъ о своемъ преподаваніи. Во-1-хъ, у меня нѣтъ самаго главнаго—увѣренности въ самой себѣ; затѣмъ, нѣтъ послѣдовательности въ преподаваніи. Я не могу заинтересовать ихъ всѣхъ сразу: займусь съ одной, положимъ, чтеніемъ слова какого-нибудь, — другимъ нечего дѣлать, и онѣ скучаютъ, какъ мнѣ кажется, хотя на второй и третій часы онѣ, повидимому, были немного заинтересованы и вообще принимали участіе въ урокѣ. Потомъ, мнѣ кажется, что я занимаюсь съ ними слишкомъ казенно, въ смыслѣ—неинтересно, однообразно, сухо.

Вотъ все, что я за собой примѣтила, больше ничего не могу написать. Вообще-же осталась очень, очень довольна сегодняшнимъ днемъ: чувствовала себя свободно, хорошо, весело.

Если найдете нужнымъ мнѣ отвѣчать, то съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего письма.

Искренно уважающая васъ А. Г.».

Я назвала это письмо «милымъ», такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ весьма много симпатичныхъ элементовъ, а именно: искренность, отсутствіе самонадѣянности, при которой молодая учительница никогда не пойдетъ впередъ, трепетное отношеніе къ дѣлу, заставляющее преувеличенно строго относиться къ себѣ, и въ итогѣ робкое сознаніе нравственнаго удовлетворенія и душевной ясности. Да, я не ошиблась въ А. Д. Г.: изъ нея навѣрное выработается образцовая учительница! А это желаніе вырваться изъ-подъ моей опеки, эти слова, въ которыхъ слышится столько горечи: «многія изъ моихъ (на этотъ разъ) ученицъ»... Какъ все это нравится мнѣ, какою молодостью и жаждой самостоятельности вѣетъ отъ всего этого и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ не хочется выпустить изъ гнѣзда этого птенца, пока я не удостовѣрюсь окончательно въ его способности летать безъ чужой помощи.

Войдя вчера въ классъ, я прежде всего замѣтила присутствіе Лукерьи В., о которой я съ досады написала въ школьномъ отчетѣ: «выбыла по глупости». Она совершенно беззащитно встрѣтила меня, улыбаясь своей глупой улыбкой, и сказала простодушно: «со-скупчила за вами и пришла».

— Зачѣмъ-же вы столько пропустили? — отвѣчала я ей тономъ упрека, въ которомъ слышалась, однако, значительная доля радости, такъ какъ оставленіе В. школы я все-таки считала для себя не-пріятностью. — Ну, какъ мы теперь съ вами будемъ догонять классъ?

— А мнѣ Марѳа Т. показывала, и я знаю все то, что и она, — отвѣчала В. съ необычайнымъ торжествомъ.

Извѣстіе это показалось мнѣ даже неправдоподобнымъ, особенно при воспоминаніи о томъ, какъ сама Марѳа Т. приходила въ отчаяніе при ея непонятливости. И позабывши на минуту о существованіи другихъ ученицъ, я занялась самымъ детальнымъ экзаменомъ Лукерьи В. Оказалось, что она читаетъ и пишетъ несравненно лучше, чѣмъ прежде, и я положительно съ благоговѣніемъ взглянула на Марѳу Т., которой далась тайна достигнуть успѣховъ съ В., не дававшаяся мнѣ, опытной учительницѣ. «Въ чемъ именно заключалась эта тайна?» спрашивала я себя съ удивленіемъ. Вѣроятно, въ умѣннѣ ближе подойти къ ней, проще держать себя съ нею, явственнѣе прислушаться къ средствамъ, которыми можно дѣйствовать на нее. Вспо-минала я также, что рѣшеніе бросить школу созрѣло въ головѣ В. послѣ того факта нетерпѣнія и раздражительности, которыя я проявила по отношенію къ ней (о чемъ было упомянуто въ предыдущемъ дневникѣ), и она вдругъ показалась мнѣ совсѣмъ не такою глупою, какъ аттестовала ее я прежде.

Да, умѣнье вызвать откровенность ученицъ — это великое дѣло и чтобы войти въ это царствіе Божіе, требуется иногда не само-увѣренность и опытность, а незлобіе и чистосердечіе ребенка.

А. Д. Г. пришлось сдѣлать наблюденіе, которое мнѣ ни разу не приходило въ голову, несмотря на доброкачественность моихъ отно-шеній къ ученицамъ, въ которой я увѣрена. Дворничиха и другія взрослые успѣвающія ученицы заявили ей, что онѣ больше желали-бы заниматься 4-й часъ, чѣмъ слушать чтеніе.

Увѣренная въ пользѣ развитія отъ громкаго чтенія учительницы и подбирая соотвѣтствующій матеріалъ, я ни разу не остановилась на мысли, раздѣляютъ-ли мое мнѣніе взрослые ученицы, и только въ эту минуту сознала свой промахъ. А между тѣмъ, дворничиха говорила мнѣ теперь по этому поводу: «Мы больше желаемъ зани-маться; ну, что-жъ тамъ сказочка какая-нибудь! къ чему она намъ? Другое дѣло, конечно, Законъ Божій. Мы такъ и порѣшили: когда

бываетъ батюшка, слушать его наставленія, а когда его не бываетъ, идти заниматься съ другими въ то время, какъ вы сказки читаете. Къ тому-же, скажу я вамъ про себя вотъ что: какъ начнете вы это самое чтеніе, я не такъ слушаю его, какъ все думаю: вотъ не пойму, вотъ не пойму! И что-жъ-бы вы думали, хвачусь—не поняла! Даже передъ собой самой совѣстно. А тутъ еще такое сумленіе: вдругъ вы спросите, а я не могу рассказать, и станеть мнѣ стыдно передъ всѣми прочими».

Я силилась скрыть свое смущеніе, выслушивая разумную рѣчь дворничихи и считая ее полезнымъ урокомъ для себя; но все-таки, вѣроятно, на лицѣ моемъ отразилось это смущеніе, такъ какъ чуткая прачка Марьяна обратилась ко мнѣ и съ выраженіемъ участія сказала ласково: «А по моему, онѣ судятъ неправильно: какъ можно, чтобы чтеніе пользы человѣку не приносило; даже въ сказкѣ можно наставленіе для себя найти, особенно въ такой хорошей, какъ вы намъ читали. Онѣ пусть поступаютъ тамъ, какъ хотятъ, а я буду и батюшку слушать, и чтеніе. А повторить буквы и дома можно, въ одиночку».

Слова Марьяны мало утѣшили меня, такъ какъ они являлись одинокимъ протестомъ.

Давши себѣ слово, какъ можно чаще справляться съ мнѣніями и взглядами моихъ взрослыхъ ученицъ, я обратилась къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «Мы празднуемъ обыкновенно годовщину школы служеніемъ молебна и раздачею книгъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы узнать, кто какую книгу желалъ-бы получить изъ васъ? Скоро вы будете уже грамотными и хотя медленно, но все-таки получите возможность читать».

И рассказавши, какія бываютъ книги на свѣтѣ, я сказала, между прочимъ: «Самою лучшею книгою въ мірѣ я считаю Евангеліе; но, быть можетъ, тѣ, которыя помоложе, пожелаютъ получить книгу свѣтскаго содержанія? Въ такомъ случаѣ я охотно исполню ихъ желаніе». Всѣ, безъ исключенія, высказались за Евангеліе, даже Анюта К. заявила своимъ хриплымъ голосомъ: «мнѣ для мамы хочется Евангеліе имѣть». А дворничиха сказала прочувствованно, что книга эта явится для нихъ не только подаркомъ, но и дорогой памятью обо мнѣ, о школѣ и о томъ, какъ научились онѣ грамотѣ.

Я обратилась къ прачкѣ Марьянѣ съ вопросомъ, не приобрѣсти-ли мнѣ для нея Евангеліе на польскомъ языкѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, на нашемъ!—отвѣчала она мнѣ.— На польскомъ у меня есть; а главное, я желаю имѣть русское для спора: мнѣ часто встрѣчались такіе люди, которые говорятъ, будто у насъ Евангеліе не такое. Вотъ я имъ и буду доказывать.

Въ эту минуту М. Н. С. принесла для раздачи ученицамъ билетики съ напечатаннымъ на нихъ словомъ «молебень». Я вызвалась сама раздать ихъ и, положивши передъ каждой ученицей, заставила прочитать печатное названіе праздника, состоящее, къ счастью, изъ пройденныхъ уже нами буквъ. Это маленькое разнообразіе въ занятіяхъ доставило имъ всёмъ, очевидно, нѣкоторое развлеченіе.

Существуетъ вопросъ, кому именно легче дается грамота—взрослому человѣку, или ребенку? Обыкновенно пальма первенства отдается почти всёми дѣтямъ; но, несмотря на свои долголѣтнія занятія, я вынесла твердое убѣжденіе, что взрослый человѣкъ быстрѣе овладѣваетъ грамотой. Серьезное отношеніе къ дѣлу, неослабѣвающая энергія, спокойная сосредоточенность являются такими вѣрными союзниками успѣха, что положительно берутъ перевѣсъ надъ способностью быстро схватывать и легко усваивать, присущею дѣтямъ. Придетъ-ли, напр., въ голову ребенку такой поступокъ? Подходить ко мнѣ въ концѣ урока взрослая дѣвушка Варвара Д. и говорить мнѣ заискивающимъ голосомъ: «Я къ вамъ съ просьбой, Христина Даниловна! Хозяйка заявила намъ, что въ слѣдующее воскресенье мы будемъ работать весь день, такъ какъ иначе не кончимъ заказовъ къ празднику. Будьте такъ добры, покажите мнѣ двѣ буквы впередъ, какъ онѣ собственно называются и какъ пишутся? Мнѣ больше ничего не надо; слова я и сама разберу».

Конечно, я охотно исполнила просьбу Варвары Д., пожелавши ей успѣха въ самостоятельной работѣ.

Отъ А. Д. я узнала, что въ прошлый разъ была Марія Т., пропустившая 4 воскресенья сряду. Оказалось, что причиной этого была смерть матери. Сегодня ея опять нѣтъ, но бояться, что она отстанетъ отъ класса, нѣтъ основаній, такъ какъ она умѣетъ читать, и усвоить разомъ нѣсколько звуковъ не представляетъ для нея затрудненія.

Скажу нѣсколько словъ по поводу азбуки Г. Показаніе *з* на 4-й страницѣ мнѣ кажется преждевременнымъ, такъ какъ оно должно быть обусловлено, на мой взглядъ, знакомствомъ съ гласными и согласными, иначе ученицы обходятся съ нимъ такимъ образомъ: въ словѣ *мса* онѣ ставятъ *з* на концѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ его и на концѣ слова *мса*, получивши отъ учительницы одно только свѣдѣніе, что *з* не выговаривается. На той-же 4-й страницѣ введены слова, съ звуками которыхъ ученицы знакомятся позднѣе, т.-е., дойдя до словъ: «воръ», «ротъ», оказалось, что ученицамъ не показаны еще ни *в*, ни *т*. Каждое упражненіе имѣетъ, такъ сказать, право располагать матеріаломъ, показаннымъ ученицамъ въ прошлый урокъ, а не забѣгать преждевременно въ неизвѣстное будущее.

Но, несмотря на указанные промахи азбуки Г., я наблюдаю та-

кое явленіе: всѣмъ почти учительницамъ звуковыхъ группъ очень хочется заниматься именно по ней, и я получила уже нѣсколько запросовъ на выписку этой азбуки изъ Москвы. Вѣроятно, имъ кажется, что успѣхъ моего преподаванія зависитъ въ значительной степени отъ этой новой азбуки.

Сегодня ученицамъ моимъ были показаны *з* и *я*; *з* многія изъ нихъ смѣшивали при письмѣ съ *и*, а буква *я*, легко усвоенная въ словахъ *яма*, *Яна*, представляла большое затрудненіе въ срединѣ слова, какъ, напр., *няня*, *дядя*. Растягивая звукъ, имъ, естественно, слышалась буква *а*, и это очень сбивало ихъ; такъ, напр., вмѣсто слова *дядя*, онѣ писали *дада* и т. д.

Въ концѣ третьяго урока я, въ интересахъ каллиграфіи, заставила ихъ написать нѣсколько знакомыхъ словъ на грифельныхъ доскахъ и затѣмъ переписать ихъ въ тетради карандашемъ. Работы эти не удовлетворили меня и, считая письмо элементовъ самымъ полезнымъ упражненіемъ для хорошаго почерка, я непременно удѣлю имъ нѣсколько времени въ слѣдующій урокъ. Отчетливый и даже красивый почеркъ я считаю весьма важнымъ практическимъ подспорьемъ въ жизни, и мнѣ кажется, что элементарная школа должна заботиться о выработкѣ его.

Въ настоящее воскресенье школу посѣтила учительница, пріѣзжавшая изъ Елисаветграда, А. С. Ц. Она весьма серьезно отнеслась къ дѣлу, пробыла у насъ цѣлое утро, присутствовала при выдачѣ книгъ и рѣшила остаться до вторника, что не входило въ ея планы, чтобы побывать на нашемъ собраніи.

Отъ М. Н. С. я узнала, что въ прошлое воскресенье школу нашу посѣтили 4 молодые, симпатичныя барышни, пріѣзжавшія изъ Полтавы съ цѣлью ознакомиться съ дѣломъ и открыть у себя такую-же воскресную школу. Онѣ были очень опечалены, не заставши меня въ Харьковѣ, но М. Н. С., въ качествѣ «объединяющаго» лица (какъ называется у насъ ея должность), познакомила ихъ весьма подробно съ общимъ ходомъ школьныхъ занятій, пригласила ихъ вечеромъ къ себѣ и снабдила всевозможными брошюрами, программами и постановленіями. Барышни обѣщали ей еще разъ побывать въ Харьковѣ. Надежды ихъ на открытіе воскресной школы построены на томъ, что въ Полтаву переведенъ губернаторъ, жена котораго извѣстна, какъ просвѣщенная и гуманная женщина. По инициативѣ ея была открыта женская воскресная школа въ Екатеринославѣ, и нѣтъ основаній предполагать, что она не откликнется сочувственно на такое-же доброе дѣло въ Полтавѣ.

Понедѣльникъ, 23 марта 1892 г.

Какъ богаты мы, однако, на иногороднихъ посѣтителей школы! Давно-ли къ намъ пріѣзжали изъ Полтавы и Кременчуга, а теперь

въ субботу я получила телеграмму изъ Кишинева слѣдующаго содержания:

«Пріѣзжаю завтра 7 утра. Дорошевская».

Я находилась болѣе года въ перепискѣ съ Теофіліей Севериновой, посылала ей школьные матеріалы; но переписка эта была не изъ дѣятельныхъ, и письма ея не говорили мнѣ ни объ ея общественномъ положеніи, ни о наружности, ни о годахъ. Вотъ почему, рѣшивши встрѣтить ее на вокзалѣ, я чувствовала себя въ крайне затруднительномъ положеніи. Поѣздъ вотъ-вотъ долженъ былъ придти; на платформѣ стояла группа артельщиковъ въ ожидательномъ положеніи. Обратившись къ нимъ, я сказала весело: «Г-да! дайте мнѣ, пожалуйста, совѣтъ, какъ мнѣ узнать пріѣзжую барышню, которую я никогда не видала?» Называя Теофілію Северинову барышней, я не знала тогда, что она замужня женщина, жена доктора, мать семейства.

— Такъ, можетъ-же, она васъ узнаетъ!—сказалъ мнѣ съ добродушной улыбкой рыжеватый малый, артельщикъ, въ бѣломъ холщевомъ фартукѣ.

— Такъ вѣдь и она меня не знаетъ!—отвѣчала я недогадливому человѣку.

— Безпремѣнно надобно кличь сдѣлать по вагонамъ!—совѣтовалъ мнѣ другой.

А третій, пожилой и, очевидно, умудренный опытомъ человѣкъ, говорилъ наставительно: «Вы вотъ что сдѣлайте, сударыня: станьте тутъ вотъ у входа, глядите на каждую проходящую и окликайте по имени, можетъ кто и откликнется!»

Я послушалась его совѣта и, дѣйствительно, стала у входа, но окликать каждую проходящую у меня не хватило мужества. Я думала такъ: «буду всматриваться въ лица и, если увижу молодую особу одну съ вопрошающимъ выраженіемъ лица, пойду вслѣдъ за нею и буду вслушиваться, какой адресъ дастъ она извозчику (относительно адреса и остановки въ нашемъ домѣ было условлено раньше). Я пристально вглядывалась въ лица, но подходящаго ничего не было: проходили старики, молодые люди, дѣти, дамы подъ ручку съ кавалерами и т. д. Наконецъ, я увидѣла молодую особу одну, одѣтую совсѣмъ не по дорожному, а самымъ изысканнымъ образомъ, выступающую смѣлой и самодовольной походкой. Когда она поравнялась со мною, я съ ужасомъ увидѣла, что лицо ея набѣлено, щеки нарумянены и красивыя брови наведены черной краской. «Неужели это она?!»—подумала я съ отчаяніемъ. Мнѣ стало жаль себя, жаль школы; мнѣ не хотѣлось идти за нею, не хотѣлось вслушиваться въ адресъ и я осталась на мѣстѣ съ какимъ-то тоскливымъ чувствомъ на душѣ. Въ

эту минуту взгляд мой упалъ на маленькую женскую фигурку съ интеллигентнымъ, худощавымъ личикомъ и большими сѣрыми выразительными глазами. «Вотъ это скорѣе она!» подумала я. Но рядомъ съ этой неизвѣстной мнѣ женщиной шелъ молодой человѣкъ, брюнетъ съ восточнымъ типомъ и любезно бралъ изъ ея рукъ тяжелый сак-вояжъ. Толпа пассажировъ рѣдѣла. Потянулись, наконецъ, солдаты-новобранцы съ своимъ жалкимъ скарбомъ за плечами, и ни одной женской фигуры не было видно на платформѣ. Я двинулась по направленію къ выходной двери. Въ это время восточный молодой человѣкъ, тотъ самый, котораго видѣла я съ дамой, подошелъ ко мнѣ и спросилъ вызывающимъ тономъ: «не вы-ли г-жа Алчевская?»

— Вы, вѣроятно, можете указать мнѣ Т. С. Дорошевскую?—сказала я, обрадовавшись. И черезъ нѣсколько минутъ мы ѣхали уже съ нею вмѣстѣ, весело разговаривая о нашей странной встрѣчѣ.

Вчера мы были вмѣстѣ въ школѣ, изъ которой она, повидимому, вынесла самыя свѣтлыя впечатлѣнія. И когда мы возвращались изъ школы и я спросила ее объ этихъ впечатлѣніяхъ, она ничего не отвѣтила мнѣ и только крѣпко, крѣпко сжала мою руку своей миниатюрной рукой. Мнѣ очень понравился этотъ безмолвный отвѣтъ и показался чрезвычайно выразительнымъ. Правда, позднѣе явилась и критика: ей не понравились наши доски и грифеля, вмѣсто тетрадокъ и перьевъ, и кое-что другое, въ этомъ родѣ, но все это тонуло въ общемъ хорошемъ впечатлѣніи.

Почти всѣ мои ученицы были на лицо, что мнѣ было чрезвычайно пріятно, и особенно въ виду посторонней посѣтительницы.

— А почему ты не пришла ко мнѣ въ пятницу, какъ обѣщала?—обратилась я къ Анютѣ К.

Она улыбнулась, потупивши глаза, и молчала.

— Сказывай, сказывай!—говорила ей, смѣясь, покровительствующимъ тономъ дворничиха.

Но Анюта молчала.

— Она на барышню, что у васъ работаетъ, пишетъ, обидѣлась,—продолжала, смѣясь, дворничиха.—Говорить: «Христина Даниловна никогда со мною такъ не обращается. Не стану ходить».

Я вспомнила, что за домашнимъ недосугомъ я, дѣйствительно, поручала М. П. заниматься съ Анютой, когда она приходила ко мнѣ на домъ, что она дѣлала весьма старательно и заботливо. Очевидно, разсѣянность Анюты вывела М. П. все-таки изъ терпѣнія, какъ вывела меня когда-то тупость Лукерьи В. По справкамъ оказалось, что это было, дѣйствительно, такъ и что Анюта нашла для себя обидными такія слова М. П.: «Какъ вамъ не стыдно! Христина Даниловна для васъ старается, а вы не хотите приложить никакого вниманія».

Тѣмъ не менѣе, въ результатѣ оказалось, что послѣ занятій съ М. П. во вторникъ Анята много лучше стала читать и писать, и, не желая ронять авторитетъ учительницы, я сказала ей весело: «Вотъ, хоть ты и обидѣлась, Анята, на М. П., а она все-таки очень хорошо учила тебя».

Въ связи съ этимъ вопросомъ объ обидчивости я обратилась къ Лукерьѣ В. и спросила ее: «Могу я просить васъ отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ по правдѣ, только по истинной правдѣ, ни капельки не стѣснясь?»

— Ну, что-жъ!—отвѣчала она съ своей обычной улыбкой.

— Обидѣлись вы на меня и разсердились, когда я какъ-то прикрикнула на васъ?

— Нѣтъ!—отвѣчала она, глядя мнѣ прямо въ глаза.—Я разсердилась, только не на васъ, а на себя, за свою глупость.

И вдругъ въ этихъ маленькихъ невыразительныхъ глазахъ блеснули слезы. Въ эту минуту мнѣ также стало стыдно до слезъ за свою надпись въ записной тетрадкѣ: «выбыла по глупости».

Въ это время дворничиха вытащила изъ своего узелочка какую-то огромную, совсѣмъ не школьную тетрадь и съ торжествомъ развернула ее передо мной. На страницахъ старой тетради, въ которыхъ дворники записываютъ обыкновенно жильцовъ, стояло множество буквъ и словъ, беспорядочно выѣдренныхъ въ несоотвѣтствующія школьнымъ правиламъ графы. Тѣмъ не менѣе, слова эти являлись положительнымъ торжествомъ для 30-лѣтней Мавры Т. Это выраженіе торжества дошло до полного апогеоза, когда, порывшись между исписанными страницами, она нашла, наконецъ, нѣчто, что составляло ея особенную гордость. «Поглядите сюда,—сказала она мнѣ, указывая на послѣднюю строчку своимъ грязнымъ толстымъ пальцемъ,—написала сперва-на-перво *Мава*; гляжу—чего-то не достаетъ; прислушалась—*р* надо поставить; поставила, и вышло мое собственное имя—*Мавра*».

Я похвалила и перешла къ пересмотру другихъ домашнихъ работъ.

Пріятно мнѣ также было появленіе Маріи Т., съ которой я не видѣлась 1½ мѣсяца. Ея простенькое траурное, черное платье еще рѣзче отбѣняло прекрасныя черты ея интереснаго лица, и большіе грустные глаза глядѣли еще задумчивѣе и печальнѣе изъ-подъ густыхъ, красивыхъ бровей. Она похоронила мать и объяснила мнѣ, что осталась одна на свѣтѣ.

— А отецъ?—участливо спросила я.

— У меня нѣтъ отца, а отчимъ!—отвѣчала она дрогнувшимъ голосомъ, и ея прекрасные глаза затуманились слезою.

Замѣчу мимоходомъ, что всякое малѣйшее вниманіе съ моей сто-

роны необыкновенно цѣнятся ученицами. Укажу на такой трогательный случай. Желая высказать чѣмъ-нибудь свою память о нихъ, я привезла изъ Петербурга по кусочку мыла, изображающаго цыпленка, цѣною въ 5 коп. И вотъ, вчера въ собраніи А. Д. И. сообщила мнѣ, что ея горничная, Анастасья П., запрятала эту драгоценность на самое дно сундука и говоритъ ей: «Боже сохрани, чтобы я умывалась имъ, какъ приказывала Христина Даниловна; я буду беречь его на память до самой смерти».

По чтенію и письму у насъ было пройдено два новыхъ звука: *в* и *т*, а на 4-мъ часѣ, за отсутствіемъ священника, я прочла разсказъ «Подъ свѣтлый праздникъ»—В. Чехова.

На счастье Т. С. Дорошевской, желавшей какъ можно ближе познакомиться съ ходомъ школьнаго дѣла въ Харьковѣ, въ настоящее воскресенье было назначено собраніе Общества грамотности, въ которое мы и отправились вмѣстѣ съ нею. Чувствуя себя большой патриоткой г. Харькова, я искренно желала, чтобы это собраніе вышло какъ можно содержательнѣе и лучше и чтобы наша заѣзжая гостья вынесла изъ него самыя хорошія впечатлѣнія. И дѣйствительно, это вышло такъ. Проф. А. П. Ш. съ свойственнымъ ему умомъ и тактомъ обрисовалъ въ немногихъ словахъ дѣятельность Общества грамотности за настоящій годъ и выяснилъ, насколько расширилась она въ послѣднее время. Онъ отмѣтилъ, между прочимъ, безкорыстное отношеніе къ дѣлу молодого архитектора А. Н. Б., который безвозмездно затратилъ много времени и силъ на сложную перестройку обширнаго зданія Общества грамотности. Мнѣ было это вдвойнѣ пріятно, во-первыхъ, потому что эти лестныя слова касались мужа моей дочери, а во-вторыхъ, отъ сознанія, что зять мой унаслѣдовалъ тѣ-же свойства безкорыстныхъ отношеній къ общественнымъ интересамъ, которыми въ такой широкой степени обладаетъ его глубоко чтимый мною отецъ.

Затѣмъ выступилъ проф. В. Я. Д. съ отчетомъ о первой народной читальнѣ въ Харьковѣ, созданной по его инициативѣ. Я не буду останавливаться на этомъ отчетѣ, такъ какъ говорила раньше въ своемъ дневникѣ, какое именно впечатлѣніе произвела на меня читальня при ея осмотрѣ; къ тому-же, проф. Д. настолько поразилъ меня новымъ своимъ проектомъ, внесеннымъ имъ въ собраніе, что существующее уже благополучно дѣло народной читальни какъ будто ступевалось передо мною, и я вся отдалась новымъ впечатлѣніямъ. Онъ говорилъ о народномъ музеѣ, и говорилъ такъ горячо, съ такимъ одушевленіемъ, такъ необычно рѣзко возражалъ своимъ оппонентамъ, что мнѣ ужасно хотѣлось ему аплодировать. Но, не осмѣлившись начать первую, я встала только и сказала нѣсколько сочувственныхъ словъ.